

ЗАКОН И ВЛАСТЬ

№3
2018

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Вопрос суицидальности общества на различных этапах его развития. *Антонов-Романовский Г.В.* 3

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вопросы квалификации незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов. *Канубриков В.А.* 6

Роль судебной финансово-кредитной экспертизы в расследовании экономических преступлений. *Алексеева У.В., Михеева М.В.* 11

Оперативно-розыскная характеристика преступлений в сфере закупок по продаже либо аренде государственной и муниципальной собственности. *Андросов Д. А.* 13

Проблема квалификации мошенничества по его конструктивным признакам. *Авдеева Е.В.* 16

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВотВОРЧЕСТВА

Актуальные проблемы системы норм, предусматривающих ответственность за должностные преступления. *Борков В.Н.* 20

Интернет как фактор, влияющий на восприятие криминальной информации. *Кунц В.В.* 25

Основные детерминанты распространения терроризма в России. *Медов М.У.* 27

Проблема контрабанды в Российской Федерации как угроза национальной безопасности. *Брынза Н.Г.* 31

НОВЕЛЛЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Альтернативные виды наказаний, применяемые за совершение транспортных преступлений, в результате которых причинен крупный ущерб или тяжкий вред здоровью человека. *Горичева В.Л.* 35

Основные направления повышения эффективности мероприятий, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации. *Деревягин Е.В.* 38

Проверка допустимости доказательств. *Николаева К.Н.* 41

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Органы и учреждения уголовно-исполнительной системы как субъекты досудебного уголовного судопроизводства. *Абрамов В.А., Никонович С.Л.* 45

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Наказания, применяемые за завершение транспортных преступлений в законодательстве зарубежных стран. *Левашова О.В.* 48

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X Подписной индекс Роспечати 65005

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru Сайт: http://ziv.ucoz.site/

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель редакционной коллегии журнала - **Трунов Игорь Леонидович**, д-р юрид. наук, акад. РАЕН, президент Союза Адвокатов России

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ (главный редактор)

Безденежных Вячеслав Михайлович, д-р экон. наук, проф., проф. Кафедры анализа рисков и экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Галушкин Александр Александрович, канд. юрид. наук, доц., акад. РАЕН, первый проректор по научной работе, МИИГУ им. П.А. Столыпина

Гушин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции (зам. гл. редактора)

Добровинская Алла Владимировна, канд. юрид. наук, доц., доц. кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции (отв. секретарь)

Ершова Инна Владимировна, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой предпринимательского и корпоративного права, Московский государственный юридический университет им. В.Е. Кутафина

Запольский Сергей Васильевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, заведующий сектором административного права и административного процесса, Институт государства и права РАН

Косаренко Николай Николаевич, канд. юрид. наук, доц., доц. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., директор Саратовского филиала, Институт государства и права РАН

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Селиюков Анатолий Дмитриевич, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры финансового права, Российский государственный университет правосудия

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р соц. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, РГУПС

Фатьянов Алексей Александрович, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры теории и истории государства и права, Российская таможенная академия

Чернявский Александр Геннадиевич, д-р юрид. наук, проф., МИГУП

Главный редактор:
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Юстиция», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз.
Подписано в печать: 05.10.2018
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

List of References

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

The issue of suicidality in society at various stages of its development.
Antonov-Romanovsky G.V. 3

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

Issues of qualification of illegal harvesting (catching) of aquatic biological resources.

Kanubrikov V.A. 6

The role of forensic financial and credit expertise in the investigation of economic crimes.

Alekseeva U. V., Mikheeva M. V. 11

Operational-search characteristics of crimes in the field of purchases for the sale or lease of state and municipal property. *Androsov D.A.* 13

The problem of qualifying fraud by its constructive features. *Avdeeva E.V.* 16

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

Actual problems of the system of norms providing for liability for malfeasance. *Borkov V.N.* 20

Internet as a factor influencing the perception of criminal information. *Kuntz V. V.* 25

The main determinants of the spread of terrorism in Russia. *Medov M.U.* 27

The problem of smuggling in the Russian Federation as a threat to national security.
Brynza N.G. 31

NEWS OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

Alternative types of punishments applied for the commission of transport crimes, as a result of which major damage or serious harm to human health was caused. *Goricheva V.L.* 35

The main directions of increasing the efficiency of measures aimed at ensuring road safety in the Russian Federation. *Derevyagin E.V.* 38

Checking the admissibility of evidence.
Nikolaeva K.N. 41

JUDICIAL AND LEGAL ENFORCEMENT

Bodies and institutions of the penal system as subjects of pre-trial criminal proceedings.
Abramov V.A., Nikonovich S.L. 45

FOREIGN EXPERIENCE

Punishments applied for the completion of transport crimes in the legislation of foreign countries.
Levashova O.V. 48

ВОПРОС СУИЦИДАЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ЕГО РАЗВИТИЯ

Антонов-Романовский Григорий Всеволодович, кандидат юридических наук, доцент, член Российской криминологической ассоциации, ведущий научный сотрудник академии Генеральной прокуратуры РФ, заслуженный работник Прокуратуры РФ

В статье рассматривается вопрос суицидальности общества на различных этапах его развития, дается анализ суицидальности общества в первобытно-общинном строе, с появлением веры и атеизма. Автор видит исход суицидальности общества в новых смыслах человечества.

Ключевые слова: суицидальность общества; вера; атеизм; новый человек.

Суицидальность социума – следствие его атеизации. Современная социальная жизнь предлагает по-новому взглянуть на проблему суицида как на проблему появления мироощущения, умертвляющего желание жить и продолжить род человеческий представлениями о бессмысленности существования человека и человечества. Появляется субкультура бегства от жизненных трудностей в смерть и субкультура отказа от деторождения, воспроизводства страдающего человечества. Первый тип суицидальной субкультуры отчетливо проявляется в подростковых самоубийствах и обсуждении ими возможности добровольного ухода из жизни в социальных сетях. В среде взрослых складывается общность, придерживающихся представления о бессмысленности существования человечества. Этот второй тип суицидальной субкультуры представлен сообществом антинаталистов. Жизнь, по их мнению, полна невзгод, а все усилия по их преодолению сводятся к нулю неизбежной смертью. Плодить себе подобных – обрекать потомство на бессмысленные муки. Они осознанно отказываются от рождения детей. Социальность этой философии антижизни выражена в представлении о необходимости постепенного, но последовательного вымирания человечества путем осознанного отказа от самовоспроизводства. Разумная форма существования материи в образе человечества – ошибка природы.

Суицидальность – следствие обострения фундаментального психологического противоречия, разрешение которого создало из пра-человека Человека. Это психологическое противоречие между смыслом жизни и неизбежной ее конечностью. Преодоление этого противоречия, породило способность абстрактно мыслить.

Принципиальное отличие Человека от остального мыслящего животного мира – наличие способности абстрактно мыслить.

На первом этапе своего существования как животного предок человека разрешил материальное противоречие между собой и остальным животным миром. Оно выражается в единстве прав человека и животного мира и одновременно в борьбе с иными его представителями за жизненное пространство и жизнеобеспечивающие ресурсы. Разрешил он его путем установления своего господства над ним. Эта победа породила два новых противоречия в его жизни. Материальное противоречие между взаимозависимостью людей и од-

новременным превращением человека для человека в основной жизненный ресурс в борьбе за существование. Рассмотрение этого противоречия оставим в стороне.

Второе противоречие порождено устранением угроз существованию Человека как вида живых существ со стороны других представителей животного мира в следствие победы над ними в борьбе за существование. До этого угроза жизни носила в основном конкретный характер, т.к. в первую очередь исходило от окружающего животного мира с победой над этим окружением, смерть утратила главную конкретную причину в виде этого окружения. Смерть предстала перед ним как фатальная неизбежность. Пробудилась потребность в выяснении смысла жизни. Возникло психологическое противоречие между смыслом жизни и неизбежностью смерти каждого человека. Это противоречие парализует жизненные силы и желание жить. Оно обладает суицидальным свойством. Наделение любого представителя животного мира пониманием неминуемости смерти подавит его психологическую активность в борьбе за существование. Оно убивает желание жить.

Данное психологическое противоречие было разрешено Человеком формированием в его сознании представления о переселении душ умерших людей в потусторонний мир. Гипотетически это можно представить не как рассудочное решение, а выработанное на уровне подсознания примерно так же, как происходит неосознаваемая эволюция в животном мире.

Вера в переселение душ в загробный мир – психологическая основа Человека. Благодаря ей он разрешил противоречие между смыслом жизни и неизбежностью смерти. Человек – это изначально верующее существо – *Homofidelis*. Вера – психологический защитный механизм, устранивший парализующее действие суицидального фактора неизбежной конечности существования каждого человека. В тоже время психологическая абстракция о существовании загробного мира, переселении туда душ умерших, осмысление воображением того, как это происходит, развило абстрактное мышление до уровня, позволяющего использовать его при решении иных жизненных задач.

Начался второй этап существования человека именно как Человека, но человека верующего в переселение душ в иной мир.

Одновременно с Верой он приобрел способность абстрактно мыслить. Абстрактное мышление наложилось на конкретное мышление. Соединение абстрактного и конкретного мышление развило естествознание. В свою очередь оно сформировало Атеизм – представление об отсутствии в материальном мире места для загробного мира. Атеизм отрицает Веру, разрушает психологическую основу Человека. Атеизм двигает естествознание и губит душевное равновесие Человека. Возрожденное основное психологическое противоречие Человека между смыслом жизни и конечностью бытия усиливается по мере развития науч-

ных представлений о материи и распространении этих знаний в обществе.

Вера и Атеизм – противоположности. Вера в продолжение существования после смерти представляет форму разрешения человеком противоречия между смыслом жизни и ее конечностью. Атеизм, отрицающий продолжение бестелесного существования после смерти, наоборот, обнажает и актуализирует противоречие между смыслом жизни и неизбежностью смерти. Противостояние Веры и Атеизма отражает новое противоречие жизни Человека между неизбежностью развития естествознания и необходимостью сохранения психического здоровья людей. Атеизм пробуждает суицидальность.

Вера – антисуицидальное средство в период атеизации социума. Особенно явственно это проявилось в советском обществе. Коммунистическая идеология внешне по форме атеистическая представляет собой по внутреннему содержанию верование. Это глушило суицидальность в «стране Советов».

Октябрьский переворот 1917 года нанес мощный удар по основе психологического равновесия Человека – Вере. Атеистические взгляды были широко распространены среди различных слоев Российского общества и до него. Принципиальное отличие до и после октябрьской России состоит в превращении большевистской властью Атеизма в краеугольный камень внутренней политики государства. Вера последовательно искоренялась и признавалась социально опасным антинаучным заблуждением. Одним из последствий такой политики должно было стать нарастание суицидальности среди атеистов. Но это не произошло.

Воспрепятствовало этому неосознаваемая большевиками подмена Веры в продолжение жизни человека в виде его души в загробном мире эрзац Верой в участие живущих сейчас людей в строительстве коммунизма – счастливой жизни для будущих поколений. Это личная жертвенность во имя будущего для других. Зомбирование общественного и индивидуального сознания идеей жертвенности во имя строительства коммунизма наполняет жизнь идеологического зомби смыслом. Этот смысл близок по своей психологической конструкции психологическому состоянию террориста-смертника, идущего фактически на самоубийство ради веры в идею. Отличие состоит в жертвовании строителями коммунизма не жизни, а труда и социального благополучия. Такая жертвенность не является суицидальным состоянием. Эрзац-вера заглушает суицидальность. Она заглушила суицидальность в советском обществе.

События 1991–1993 гг. в России привели к разгрому коммунистической идеологии и гибели атеистической эрзац модели Веры – наличия смысла жизни в построении коммунистического общества. В очередной раз социум утратил смысл жизни. Противоречие между смыслом жизни и ее конечностью обнажилось. Был дан импульс развитию в Российском социуме суицидальности. Обострило его нарастание сложности жизни для членов об-

щества. Суицидальность проявляется в активных и пассивных формах. Наиболее очевидная активная форма – это самоубийства. К этой же форме относятся действия смертников и иные деяния, совершенные с целью заставить других людей ликвидировать деятеля. Это вызов огня на себя во имя смерти. Антинатализм представляет пассивную форму проявления суицидальности общества. Вымираем все – вот его лозунг ухода человечества из бытия.

Суицидальность как отражение разрушения атеизмом психологической основы Человека Верующего проявляется во всех обществах, где распространён атеизм. Чем он шире распространён, тем сильнее подрывается основа психологического здоровья современного Человека.

Безболезненной трансформации Человека Верующего в Человека Атеистического не будет. Человечество должно найти новый смысл жизни. Возможно, оно найдет такой смысл, осознав себя формой самопознания материи. При этом должно разрешиться основное материальное противоречие Человека между его существованием только в единстве людей и превращением человеком человека в основной свой жизненный ресурс. В этом случае жизнь Человека станет разумной. Он станет Человеком Разумным – *Homo sapiens*.

По психологической основе он предстанет новым видом животного мира. Принципиальное его отличие от сегодняшнего Человека будет состоять в нахождении иного смысла жизни, нежели в загробном пребывании души умершего. Возможно, это будет смысл в выполнении функции самопознания материи разумом Человека. Во всяком случае, это не будет верой в загробную жизнь. Если социум дотянет до этого, то Человек и человечество перейдут к третьему этапу своего существования. В нем не будет причин существования суицидальности из-за появления нового смысла в жизни, пока нам неизвестного.

The issue of suicidality in society at various stages of its development

Antonov-Romanovskii G.V.

Academy of the Prosecutor General's office,

The article deals with the issue of society suicide at various stages of its development, the analysis of society suicide in the primitive communal system, with the emergence of faith and atheism. The author sees the outcome of society's suicide in the new meanings of humanity.

Key words: suicidal society; faith; atheism; new human.

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ (ВЫЛОВА) ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

Канубриков Виталий Алексеевич

заместитель начальника кафедры уголовного права УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России

В статье представлены результаты исследования проблем, возникающих при применении нормы, предусмотренной ст. 256 УК РФ. Необходимость рассмотрения таких проблем обусловлено тем, что состояние окружающей биологической среды в нашей стране с учетом объема и положения водных биологических ресурсов из года в год только ухудшается. Тем самым причиняется существенный экологический и экономический вред Российской Федерации, исчисляемый огромными суммами. Применение многих способов добычи неминуемо приводит к массовой гибели рыбы, уничтожению кормовых запасов и повреждению среды обитания водных биологических ресурсов; катастрофически сокращается разнообразие водных биологических ресурсов; ежегодно незаконно добытые водные ресурсы направляются за пределы нашей страны.

Рассматриваются проблемные вопросы, связанные с проблемами применения оценочных признаков при квалификации незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, которые вызывают большое затруднение при квалификации.

Ключевые слова: уголовное законодательство, принципы уголовного права, оценочные признаки, незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов.

Россию во всем мире признают страной с огромными запасами природных ресурсов: плодородных почв, нефтепродуктов, газа, лесов, пресных вод, водных биологических ресурсов и т. д. По объему и разнообразию видов водных биологических ресурсов Россия занимает лидирующее место.

Рыбное хозяйство в Российской Федерации является комплексным сектором экономики, включающим широкий спектр видов деятельности – от прогнозирования сырьевой базы отрасли до организации торговли рыбной продукцией в стране и за рубежом [1]. Состояние окружающей биологической среды в нашей стране с учетом объема и положения водных биологических ресурсов из года в год только ухудшается. Тем самым причиняется существенный экологический и экономический вред Российской Федерации, исчисляемый огромными суммами. Применение разнообразных способов добычи приводит к тому, что катастрофически сокращается разнообразие водных биологических ресурсов, ежегодно незаконно добытые водные ресурсы направляются за пределы нашей страны.

Анализ статистики позволяет говорить о том, что число зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ и являющихся одним из самых латентных видов преступлений, снижается: в 2011 г. – 13787, в 2015 г. – 6276, в 2016 г. – 5469 [2]. Фактически же количество преступлений почти в 30 раз больше.

В российском законодательстве достаточно правовых инструментов, необходимых для защиты водных биологических ресурсов. Однако в случае неправильного применения уголовно-правовых норм невозможно эффективно противодействовать незаконной добыче (вылову) водных биологических ресурсов. Не способствует этому и то, что в современных условиях браконьерство приобретает новые характеристики, новейшие технические средства, приспособления с использованием передовых технологий предоставляют возможность больших уловов.

Эффективное противодействие незаконной добыче (вылову) водных биологических ресурсов предполагает надлежащее применение норм уголовного законодательства РФ, точное правильное определение признаков преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ.

Говоря о понятии «водные биологические ресурсы», необходимо отметить, что их определение в действующем уголовном законодательстве отсутствует, перечень животных и растений, которых можно к таковым отнести, является открытым, однако можно выделить два основных критерия, поз-

воляющих включать животное или растение в этот перечень:

1. Средой обитания таких животных и растений выступает водная среда (реки, озера, моря, океаны, и т.п.).

2. Они в обязательном порядке находятся в состоянии естественной свободы, т.е. никому не принадлежат (даже если водные биологические ресурсы изначально являлись чей то собственностью, например, выпущенные на свободу мальки осетра).

Соответственно, рыба или другие водные животные, выращиваемые какими-либо хозяйствующими субъектами в специально оборудованных водоемах, а также рыба, добываемая этими организациями, в том числе водные биологические ресурсы, которые еще не выловлены, но находятся в орудиях лова, могут признаваться предметом хищения чужого имущества. При указанных обстоятельствах предмет посягательства определяется как обособленный трудом человека из естественной природной среды и является предметом, которым можно владеть, пользоваться и распоряжаться. Незаконный вылов такого предмета с корыстной целью соответственно должен образовывать соответствующую форму хищения чужого имущества [3, с. 25-26].

При этом водоплавающие звери (бобр, выдра, ондатра, выхухоль и др.), а также водоплавающие птицы к водным биологическим ресурсам не относятся. Незаконная добыча данных зверей должна квалифицироваться как незаконная охота.

Таким образом, объектом незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов выступают общественные отношения, складывающиеся по охране экологической безопасности общества (использование, воспроизводство, поддержание необходимой численности и безопасности обитающих в водной среде биологических ресурсов, а также их охрана).

Предмет преступления – любые биологические ресурсы, средой обитания которых выступает водная среда, кроме того, животные и растения в обязательном порядке должны находиться в состоянии естественной свободы, т.е. никому не принадлежать. Исключением являются водные биоресурсы, включенные в Перечень, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978, УК РФ, в связи с тем, что незаконная добыча (вылов) указанных животных следует квалифицировать по ст. 258.1.

Объективная сторона рассматриваемого преступления (ч. 1 ст. 256 УК РФ) состоит из самостоятельных альтернативных признаков, каждый из которых образует состав преступления по незаконной добыче (вылову) водных биологических ресурсов. При этом в законе не указано, что входит в обязательные условия рассматриваемых признаков, поскольку диспозиция ст. 256 УК РФ имеет бланкетный характер, отсылающий правоприменителя к нормативным правовым актам, которые предусматривают законный порядок добычи рыбы и других водных биологических ресурсов:

– федеральные законы: «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2017); «О животном мире» от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.); «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ (ред. от 03.07.2016); «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ (ред. от 18.07.2017);

– указы Президента РФ (в частности, «О мерах по обеспечению охраны морских биологических ресурсов и государственного контроля в этой сфере» от 29 августа 1997 г. № 950);

– постановления Правительства РФ, принятые в пределах полномочий, определенных федеральным законом «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ (ред. от 29.07.2017): «Об утверждении Положения об осуществлении рыболовства в научно-исследовательских и контрольных целях» от 13 ноября 2009 г. № 921 (ред. от 25.08.2016); «Об утверждении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный уничтожением, незаконным выловом или добычей водных биологических ресурсов» от 25 мая 1994 г. № 515 (ред. от 10.03.2009);

– нормативные правовые акты, принятые федеральными органами исполнительной власти в пределах их компетенции (правила рыболовства, утвержденные федеральным органом исполнительной власти в области рыболовства для каждого рыбохозяйственного бассейна, к примеру, в Волгоградской области применяются Правила рыболовства для Волжско-Каспийского рыбохозяйственного бассейна, утвержденные Приказом Минсельхоза России от 18 ноября 2014 г. № 453 (ред. от 27.07.2017);

– законы субъектов РФ в области рыболовства и охраны водных биологических ресурсов.

В каждом случае незаконной добычи (вылова) необходимо проводить комплекс мер, направленных на установление причиненного окружающей среде ущерба, способа ее проведения со ссылкой на федеральный закон и другие нормативные правовые акты, регулирующие осуществление рыболовства.

Необходимо также помнить, что существует разрешенная добыча (вылов) водных биологических ресурсов юридическими лицами и физическими лицами, зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, спортивный и любительский лов. Такое разрешение дается и на вылов некоторых видов ценных пород рыб, в данном случае предполагается получение именной лицензии. Передача указанной лицензии кому бы то ни было запрещается, и вылов с такой лицензией лицами, не указанными в ней, будет считаться нарушением установленных правил рыболовства. Кроме того, при выдаче лицензии в ней отражаются обязательные места, орудия и сроки проведения вылова водных биологических ресурсов, нарушение указанных правил может характеризоваться наличием в действиях физических лиц

признака состава преступления. Из этого следует, что для установления признака состава преступления в действиях физических лиц требуется, чтобы добыча осуществлялась без соответствующего на то разрешения либо без лицензии или с просроченной лицензией, производилась лицом, не указанным в лицензии, которому она была выдана, при добыче допущено превышение установленных норм вылова, вылов производился в неуказанных местах, а также допущено нарушение сроков либо использование орудий добычи, которые не предусмотрены выданной лицензией.

По конструкции объективной стороны ст. 256 УК РФ в зависимости от наличия того или иного альтернативного признака имеет либо формальный, либо материальный состав.

По пункту «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ (материальный состав) преступление будет считаться оконченным с момента причинения ущерба, указанного в диспозиции, – крупного ущерба, определение которого считалось одним из наиболее дискуссионных вопросов (как альтернативного признака основного состава названного преступления) [4, с. 39-44]. В настоящее время в примечании к ст. 256 УК РФ законодательно закреплено, что крупным признается ущерб, причиненный водным биологическим ресурсам, исчисленный по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам, превышающий 100 000 рублей, особо крупным – 250 000 рублей.

При совершении других альтернативных действий, предусмотренных пп. «б», «в», «г» ч. 1 ст. 256 УК РФ, преступление будет считаться оконченным с момента начала добычи (вылова) водных биологических ресурсов в независимости от фактической добычи ресурсов. Следовательно, для установления признаков состава преступления необходимо лишь определения факта незаконности действий и наличие хотя бы одного из признаков, указанных в диспозиции статьи.

Пункт «б» ч. 2 ст. 256 УК РФ предусматривает такой составообразующий признак, как «с применением самоходного транспортного плавающего средства или взрывчатых и химических веществ, электрического тока либо иных способов массового истребления указанных водных биологических ресурсов».

К самоходным транспортным плавающим средствам следует относить такие плавающие средства, которые имеют двигатель (моторные лодки, катера, яхты и т. д.), соответственно, единственным обязательным признаком как раз и выступает тот факт, что плавающая конструкция приводится в движение с помощью мотора (в том числе электрического). Кроме того, обязательно должно быть установлено, что указанное самоходное плавающее средство непосредственно использовалось как орудие добычи водных биологических ресурсов (например, при постановке и (или) снятии рыболовных снастей, сетей и т. д.). В том случае если самоходное плавающее средство было использовано как средство доставки к месту незаконной

добычи (вылова) водных биологических ресурсов, указанный признак вменяться не должен.

Составообразующий признак «с применением взрывчатых веществ» как способ незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов должен быть квалифицирован при применении взрывчатых веществ, т.е. при помощи устройств, конструктивно предназначенных для поражения животных (рыб) с помощью взрывной волны. Причем для квалификации значения не имеет, каким способом (заводским или кустарным) были изготовлены указанные устройства.

Кроме взрывчатых веществ, к запрещенному способу вылова водных биологических ресурсов относят применение химических веществ. В диспозиции ст. 256 УК РФ их понятие собирательное, оно подразумевает использование для добычи таких веществ (независимо от прямого назначения), которые могут облегчить процесс добычи (вылова) биоресурсов. Однако представляется целесообразным выделить две группы: общедовитые и нервно-паралитические.

Общедовитыми, в частности, являются такие химические вещества, которые лица, вылавливающие (добывающие) водные биологические ресурсы, используют для отравления части водоема, после чего от их воздействия рыба и другие животные погибают и всплывают на поверхность, где их собирают.

Химические вещества также позволяют концентрировать животных в месте, оптимальном для добычи. Кроме того, они могут применяться для достижения прозрачности воды, что способствует более легкому обнаружению водных биологических ресурсов.

Следующим запрещенным способом добычи (вылова) является использование электрического тока (электрическая удочка). Он позволяет обездвижить рыбу, находящуюся в естественной среде обитания, при помощи электрического поля, возникающего между электродами, погруженными в воду и подключенными к источнику электрического питания (аккумулятору). После воздействия электрическим током рыба, в случае если не погибнет и не будет выловлена, становится, как правило, непригодной к репродукции [3, с. 36]. При этом у выловленной рыбы отсутствуют внешние признаки, указывающие на его применение.

Наиболее спорными и сложными в определении выступают такие признаки объективной стороны, как «применение иных способов массового истребления водных биологических ресурсов», под которыми следует понимать деяния, направленные на незаконную добычу (вылов) водных биоресурсов с применением орудий лова, которые запрещены и повлекли либо могли повлечь массовую гибель водных биоресурсов, уничтожить либо повредить среду их обитания. К таким способам можно отнести искусственное осушение водных объектов, прекращение доступа кислорода в водный объект, ловлю путем перегораживания водоема орудиями лова более чем на две трети его ширины, багрение, применение крючковой снасти

типа перемета, применение огнестрельного оружия, запрещенных колющих орудий, лов рыбы гоним и т. д.

Следовательно, для установления наличия данного объективного признака необходимо наличие не только факта использования запрещенного вида орудия или способа вылова, но и возможности причинения указанных последствий при их использовании с учетом обстоятельств в каждом конкретном случае. К исследованию свойств таких орудий лова или примененных способов необходимо привлекать соответствующих специалистов либо экспертов. Однако не редки случаи вменения указанного признака, например, при использовании сетей без проведения соответствующей экспертизы, с указанием лишь на запрещенность данного способа. Применение сетей с целью незаконного вылова водных биологических ресурсов необходимо рассматривать, как способ массового истребления, поскольку может привести к массовой гибели водных биологических ресурсов, в связи с чем, общественная опасность таких действий велика. При этом применение сетей может быть квалифицировано как преступление по указанному признаку только при проведении соответствующей экспертизы.

Несмотря на возникающие при квалификации трудности определения иных способов добычи (вылова) водных биоресурсов, применение которых ведет к массовому их истреблению, все же необходимости в установлении их полного перечня непосредственно в уголовном законе нет, особенно если учесть, что на территории Российской Федерации имеется большое количество видов таких средств.

«Вылов в местах нереста или на миграционных путях к ним» (п. «б» ч. 1 ст. 256 УК РФ) устанавливает уголовную ответственность за добычу (вылов) водных биологических ресурсов, если указанное деяние совершено в местах нереста или на миграционных путях к ним.

При этом необходимо отметить, что местами нереста могут признаваться такие места, где происходит икрометание рыб, а также размножение и выведение потомства водных животных, например море, река, водоем или часть водоема, где рыба мечет икру, а миграционными путями к ним – протоки, ерики, рукава, проходы, которые рыбе необходимо преодолеть для попадания к месту нереста. Размеры водного объекта, который может быть признан местом нереста, могут быть различными (например, озеро, пруд, запруда), либо какая-то часть местности (например, участки рек в Волго-Ахтубинской поймы).

Так, Ковалев Г. Н. обвинялся в том, что 25 апреля 2017 г. около 18:00, имея разрешения на добычу (вылов) водных биологических ресурсов № 61 2017 01 1515 с применением ставных лесковых сетей на рыбопромысловом участке № 1 Цимлянского водохранилища, осознавая, что его действия могут привести к гибели значительного числа водных животных, на дюралевой лодке «Прогресс-4» б/н Р 13-32 РВ с подвесным мотором «Ямаха-40»

на внутреннем водном пути «Подход к г. Волгодонск» в Сухо-Соленовском заливе акватории речного порта г. Волгодонска Ростовской области в 590 метрах от спецпричала, являющемся в данное время местом нереста в нерестовый период, где промышленное рыболовство водных биологических ресурсов в период времени с 1 января по 31 июля запрещено, установил четыре ставные лесковые сети: 1) сеть длиной 70 м, высотой 3 м, ячеей 80x80 мм; 2) сеть длиной 15 м, высотой 3 м, ячеей 70x70 мм; 3) сеть длиной 75 м, высотой 3 м, ячеей 70x70 мм; 4) сеть длиной 80 м, высотой 3 м, ячеей 80x80 мм, которые в соответствии Правилами рыболовства для Азово-Черноморского рыбохозяйственного бассейна являются запрещенными для любительского и спортивного рыболовства. п. «б», «в» ч. 1 ст. 256 УК РФ [5].

Квалификация незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов по признаку вылова в местах нереста либо на миграционных путях возможна только при условии, что незаконные действия совершены в период нереста или по пути миграций к местам нереста рыб. Если деяние будет совершено вне установленных сроков или при использовании орудий лова, которые не причиняют какого-либо вреда нерестящимся особям, такое деяние не может быть признано преступным по данному признаку. Например, в Астраханской области добыча (вылов) водных биоресурсов запрещена повсеместно с 20 апреля по 20 июня.

К запрещенным способам добычи (вылова) водных биологических ресурсов также относятся их добыча (вылов) на особо охраняемых природных территориях либо в зоне чрезвычайной экологической ситуации (п. «г» ч. 2 ст. 256 УК РФ).

Под особо охраняемыми природными территориями понимаются такие участки земли (в том числе водные объекты и воздушное пространство над ними), на которых расположены природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное и иное значение, ввиду чего решением органов исполнительной власти изъяты полностью или частично из хозяйственного использования. На таких объектах общенационального достояния устанавливается режим особой охраны и доступа, в связи с чем, незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов на их территории является составообразующим признаком.

Под зонами экологического бедствия понимаются такие участки территории Российской Федерации, где в результате какого-либо природного или антропологического бедствия произошли коренные необратимые изменения природной среды, разрушение естественных экологических систем и т. д.

Подводя итог, следует заметить, что, несмотря на возникающие при квалификации трудности определения оценочных признаков при квалификации незаконной добычи (вылове) водных биологических ресурсов, установление их полного перечня непосредственно в уголовном законе, в условиях многообразия их видов на территории

РФ, не целесообразно. При этом необходимо установить критерии отдельно для каждого водного бассейна с отражением местных условий и популяции особей в соответствующих нормативных правовых актах.

Литература

1. Об утверждении Стратегии развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года: Приказ Росрыболовства от 30.03.2009 № 246 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 21.01.2017г.);
2. Состояние преступности за 1997-2016 годы. М.: ГИАЦ МВД России, 2017;
3. Забавко Р.А., Радченко О.В., Купчинский А.Б., Дзюба Е.В. Проблемы квалификации и расследования незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов. Учебное пособие. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2014. С. 25-26;
4. Канубриков В.А. Оценочные признаки: проблемы применения и соответствие принципам российского уголовного законодательства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. №2. С. 39-44;
5. Постановление о прекращении производства по уголовному делу, г. Волгодонск, 15 августа 2017 года. Решение по делу 1-55/2017 URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 21.02.2018).

Issues of qualification of illegal harvesting (catching) of aquatic biological resources

Kanubrikov V.A.

Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs

The article presents the results of the study of problems arising in the application of the rules provided for in article 256 of the criminal code. The need to address such problems is due to the fact that the state of the biological environment in our country, taking into account the volume and situation of aquatic biological resources from year to year only worsens. Thus caused significant ecological and economic damage to the Russian Federation, calculated in huge amounts. The use of many methods of extraction inevitably leads to the mass death of fish, the destruction of feed stocks and damage to the habitat of aquatic biological resources; catastrophically reduced diversity of aquatic biological resources; every year illegally mined water resources are sent outside our country.

As a result of the study, the criminal law characteristic of the considered crime is given, the existing law enforcement practice is analyzed, the most common mistakes and difficulties arising in the qualification of the act provided for by article 256 of the criminal code are revealed, and recommendations on the application of the relevant norm are formulated. The article deals with problematic issues related to the problems of the application of evaluation criteria in the qualification of illegal extraction (catch) of aquatic biological resources, which cause great difficulty in qualification.

Key words: criminal legislation, principles of criminal law, assessment features, illegal extraction (catch) of aquatic biological resources.

References

1. On approval of the Strategy for the development of the fishery complex of the Russian Federation for the period up to 2020: Order of the Federal Agency for Fishery dated March 30, 2009 No. 246 // SPS Consultant Plus (date of treatment 01.21.2017);
2. The state of crime for 1997-2016. M.: GIATs Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017;
3. Zabavko R.A., Radchenko O.V., Kupchinsky A.B., Dzyuba E.V. Problems of qualification and investigation of illegal harvesting (catching) of aquatic biological resources. Tutorial. Irkutsk: FGKOU VPO VSI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014.S. 25-26;
4. Kanubrikov V.A. Assessment characteristics: problems of application and compliance with the principles of Russian criminal legislation // Legal science and law enforcement practice. 2015. No. 2. S. 39-44;
5. Resolution on the termination of criminal proceedings, Volgograd, August 15, 2017. Decision in case 1-55 / 2017 URL: <https://rospravosudie.com> (date accessed: 21.02.2018).

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Алексеева Ульяна Владимировна

курсант ФПСЭБиПК Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Михеева Маргарита Викторовна

к.э.н., ст. преподаватель кафедры Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

В виду того, что экономические преступления носят различный характер, а у следователя (дознателя) на счету не одно уголовное дело, то он не в силах разобраться в большом количестве документов. Для этого следователь (дознатель) обращается к эксперту с вопросами, входящими в его компетенцию, дабы дать точный ответ.

Ключевые слова: судебно-экономическая экспертиза, эксперт, судебная финансово-кредитная экспертиза, уголовная ответственность, следователь, финансово-хозяйственная деятельность, экономические преступления.

В современном мире, где выступают преимущественно рыночные отношения, важно контролировать эти отношения и соответственно их проверять. В связи с тем, что экономические преступления являются наиболее сложными в раскрытии. Для того, чтобы ускорить раскрытия преступлений следователю необходим помощник, который сможет ответить на вопросы, на которые сам следователь не в силах ответить, в виду отсутствия знаний в данной области.

Судебно-экономическая экспертиза является «молодым» экспертным направлением в системе органов внутренних дел РФ, но это не значит, что ранее не существовала экспертиза. Изменения требовались сразу же после перехода от командно-административной экономики к рыночной, дабы расширить полномочия экспертов.

Согласно существующему Приказу МВД России от 29.06.2005 N 511 "Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации" выделяют большое количество существующих судебных экспертиз, одна из которых является судебная финансово-кредитная экспертиза.

Судебная финансово-кредитная экспертиза устанавливает фактическое наличие данных, путем изучения и анализа признаков, форм и способов искажающих данные о кредитоспособности субъекта хозяйствования, используя в своей работе специальные познания. Чаще всего данная экспертиза назначается по статье 176 Уголовного Кодекса РФ «Незаконное получение кредита», либо статьи 7.27 «Мелкое хищение» и 14.11 «Незаконное получение кредита» КоАП РФ.

Согласно Уголовному Кодексу РФ: «получение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации кредита либо льготных условий кредитования путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации, если это деяние причинило крупный ущерб», а также «Незаконное получение государственного целевого кредита, а равно его использование не по прямому назначению, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству», несет уголовную ответственность.

Финансово кредитная экспертиза устанавливает такие признаки хозяйственной деятельности как:

1. кредитоспособность хозяйствующего субъекта;
2. выполняются ли условия указанные в кредитном договоре;

3. правильность ведения бухгалтерской отчетности.

Объектами исследования при судебной финансово-кредитной экспертизе являются:

1. первичные четные документы хозяйствующего субъекта;
2. бухгалтерские регистры;
3. бухгалтерская отчетность;
4. методики разработанные кредиторами для оценки кредитоспособности заемщиков;
5. дополнительные материалы уголовного дела.

Основная суть данной экспертизы заключается в необходимости установлении фактов искажения информации в бухгалтерских документах с целью получения кредита. Однако, важно отметить тот факт, что суть экспертизы вытекает в основную задачу лица назначавшего проведение финансово-кредитной экспертизы. При этом перед экспертом же стоит задача изучить полученные объекты исследования и на основе полученной информации, от лица, назначавшего экспертизу, выяснить повлияло ли искажение в документах на кредитора.

В связи с тем, что каждое преступление индивидуально по своему, несмотря на то, что состав одинаков, важно сказать о наличии различных преступных схем, а это значит, что эксперту необходимо подходить тщательнее к выполняемым задачам, систематически улучшать свой профессиональный уровень.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Закон РФ от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – N 25. – Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019, с изм. от 17.04.2019). // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон РФ от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.05.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.05.2019) // СЗ РФ. – 2001.

4. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с "Инструкцией по орга-

низации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации", "Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации") (Зарегистрировано в Минюсте России 23.08.2005 N 6931): Приказ МВД России от 29.06.2005 N 511 (ред. от 11.10.2018) // СПС КонсультантПлюс.

5. Введение в судебную экспертизу: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / Н.П. Майлис. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2017.

The role of judicial financial credit examination in the investigation of economic crimes

Alexeeva U.V., Miheeva M.V.

Moscow University the interior Ministry of Russia named after V.J. Kikot

In view of the fact that economic crimes are of a different nature, and the investigator (investigator) does not have a single criminal case on his account, he cannot figure out a large number of documents. For this, the investigator (investigator) addresses the expert with questions within his competence in order to give an exact answer.

Key words: forensic economic examination, expert, judicial financial and credit expertise, criminal liability, investigator, financial and economic activity, economic crimes.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation: Law of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 23.04.2019) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - N 25. - Art. 2954.
2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on 04/01/2019, as amended on 04/17/2019). // SZ RF. - 2001. - No. 52 (part I). - Art. 4921.
3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of the Russian Federation of 12/30/2001 N 195-FZ (as amended on 05/01/2019) (as amended and supplemented, entered into force on 05/12/2019) // SZ RF. - 2001.
4. Issues of organizing the production of forensic examinations in the forensic departments of the internal affairs bodies of the Russian Federation (together with the "Instruction on the organization of the production of forensic examinations in the forensic departments of the internal affairs bodies of the Russian Federation", "List of types (types) of forensic examinations performed in forensic departments of the internal affairs bodies of the Russian Federation") (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 23.08.2005 N 6931): Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 29.06.2005 N 511 (as amended on 11.10.2018) // SPS ConsultantPlus.
5. Introduction to forensic science: Textbook. manual for university students studying in the specialty 021100 "Jurisprudence" / N.P. Maylis. - M.: UNITY-DANA, Law and Law, 2017.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ПО ПРОДАЖЕ ЛИБО АРЕНДЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Андросов Дмитрий Алексеевич

адъюнкт кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД
ФГКОУ ВПО «Нижегородская академия МВД России»

В статье раскрыты отдельные вопросы оперативно-розыскной характеристики преступлений в сфере закупок по продаже либо аренде государственной и муниципальной собственности.

Ключевые слова: государственные закупки, преступление, государственная и муниципальная собственность.

В последние годы проблема злоупотребления должностными лицами своими полномочиями при проведении аукционов (конкурсов, торгов) по отчуждению объектов, находящихся в муниципальной собственности, приобретает все большую актуальность и масштаб.

Как правило, такими должностными лицами являются представители комитетов по управлению имуществом, главы фондов, а также главы администраций. Очень часто лица, прямо или косвенно отвечающие за разгосударствления имущества, вполне осознанно совершают серьезные экономические преступления в сфере закупок по продаже либо аренде государственной и муниципальной собственности. Работники руководящего аппарата приватизируемых предприятий, посреднических фирм, принимающих участие в процессе приватизации, а также покупатели зачастую тоже имеют отношения к подобным правонарушениям [6, с. 180].

Договора аренды государственного и муниципального имущества согласно законодательству РФ, могут быть заключены только по результатам проведения торгов. Проведение торгов по общему правилу осуществляется в форме аукциона.

Порядок проведения торгов на право заключения договоров аренды государственного и муниципального имущества регулируется Приказом ФАС РФ от 10.02.2010 № 67 [2].

Торги на право заключения договоров аренды государственного и муниципального имущества размещаются на официальном сайте torgi.gov.ru. Проведение аукциона в электронном виде на аренду государственного и муниципального имущества допускает подачу заявки в электронном виде через электронную торговую площадку. Тем не менее многие недобросовестные граждане ухитряются проводить недобросовестные сделки, несмотря на максимальную открытость аукциона. Такая деятельность является серьезным преступлением.

Вышеназванные преступления, как правило, связаны с вопросами дачи и получения взяток за оказание услуг при приватизации, в том числе в случае приобретения имущества в обход действующих положений без проведения обязательного конкурса. Если же аукционы либо конкурсы всё же проводятся, то могут искусственно создаваться льготные условия с целью достижения выигрыша заинтересованным лицом, либо его подставным представителем.

Нередко случаются хищения денежных средств, полученных от приватизации муниципальных предприятий. Бывает и так, что территориальные органы власти используют указанные средства для занятия ростовщической деятельностью, либо принимают участие в финансировании коммерческих структур.

В рассматриваемой плоскости правоотношений может фигурировать ограничение конкуренции заключение между хозяйствующими субъектами-конкурентами соглашения. Подобные действия запрещены в соответствии с антимонопольным законодательством РФ. Данное правонарушение переходит в уголовно-правовую плоскость, если ограничение конкуренции причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекло извлечение дохода в крупном размере. Если речь идет о сфере закупок по продаже или аренде государственной собственности, ущерб, как правило, является не просто крупным, а особо крупным.

Преступления данного вида, как правило, носят множественный характер.

Руководители предприятий, подлежащих приватизации могут умышленно исказить стоимость основных и оборотных средств предприятия, чтобы впоследствии приобрести имущество по заниженной цене.

Преступления в сфере закупок, в случае если речь идет о муниципальной собственности, свидетельствуют о факте коррупции и обычно протекают скрыто.

С 04 мая 2018 года перечень преступлений коррупционной направленности в Уголовном кодексе РФ был дополнен тремя новыми специальными составами преступлений. Этими составами предусматривается уголовная ответственность за правонарушения в сфере государственных и муниципальных закупок[1].

Согласно вышеуказанным нововведениям, к уголовной ответственности могут привлечь за следующие составы преступлений:

Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. (Статья 200.4. УК РФ).

Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок. (Статья 200.5. УК РФ)

Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок для обеспечения государственных или муниципальных нужд. (Статья 304 УК РФ).

Новые составы преступлений за совершение коррупционных правонарушений в сфере государственных и муниципальных закупок было необходимо ввести для того, чтобы возникла возможность привлечь к уголовной ответственности не только должностные лица, но и прочих людей, погруженных в хозяйственную деятельность и знающих «изнанку» процесса отчуждения объектов муниципальной собственности. Зачастую такие люди являются доверенными людьми заказчиков, либо

просто заинтересованными лицами, имеющими материальную выгоду от коррупционных сделок.

Значение оперативно-розыскной характеристики при разработке методических рекомендаций по проведению оперативно-розыскных мероприятий, как правило, определяется [4, с. 41; 7, с. 100]:

1. Необходимостью наличия информации о подготавливаемом или совершенном преступлении в сфере закупок по продаже или аренде объектов, находящихся в собственности государства;

2. Обеспечением условий для наиболее эффективного и специализированного применения негласных сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности.

3. Необходимостью знания особенностей конкретных видов преступлений. Это приобретает большую актуальность, если речь идет о преступлениях в сфере экономики и, в частности, о противодействии коррупции в целом.

Под оперативно-розыскной характеристикой преступления обычно понимается система свойств и информационных признаков, присущих определенному виду преступлений. Знание данных признаков способствует эффективному решению тактических задач не только по раскрытию преступления, но и по его предотвращению [3].

Назначение оперативно-розыскной характеристики состоит в том, что она является информационной базой для разработки основных тактических приемов, способствующих эффективному раскрытию конкретных преступлений.

При составлении оперативно-розыскной характеристики экономических преступлений к числу основных учитываемых признаков относятся [5, с. 68]:

1. Уголовно-правовые, которые включают в качестве примеров фабулы конкретных уголовных дел по данным видам правонарушений, а также недостатки судопроизводства при осуществлении их расследования.

2. Уголовно-процессуальные, предусматривающие особенности производства по отдельным видам преступлений в части использования в уголовном процессе непроцессуальной информации. Как правило, подобная информация является итогом оперативно-розыскной работы.

3. Криминалистические признаки. Они обычно включают в себя использование подозреваемыми лицами различных приемов противодействия процессу расследования, а также поведение субъектов при совершении преступления.

4. Экономические, определяющие специфику совершения преступлений в различных отраслях экономики, использование специальных учетно-экономических знаний и особенностей учетного процесса, документооборота в многочисленных сферах хозяйствования. Эти признаки имеют особое значение при расследовании преступлений в сфере государственных закупок в целом.

5. Психологические, то есть потребности подозреваемого, раскрывающие мотивы совершения преступления, ценностные ориентации. К психологическим признакам также относят особенности

личности подозреваемых. Сюда относятся черты характера, образ жизни, склонности, вредные привычки, позволяющие отнести указанных лиц к тому или иному психологическому типу.

6. При выявлении преступлений в сфере экономики существенное значение приобретают такие признаки, как материальное благосостояние подозреваемого лица и членов его семьи. То есть подлежит выявлению и анализу наличие у названных лиц источников дохода, финансовых вложений и накоплений, в том числе банковских вкладов, ценных бумаг, недвижимости, автомашин, предметов роскоши. Немаловажным фактором является взаимодействие с налоговыми органами. Недаром все госслужащие обязаны ежегодно предоставлять в соответствующие органы декларацию о доходах по форме 2-НДФЛ.

7. Подлежат выявлению все возможные факты деловых связей. Проверяются возможные взаимоотношения подозреваемых с властными и криминальными структурами.

8. Существуют также специальные признаки, которые подразумевают возможность использования негласных сотрудников для выявления лиц, совершающих конкретные виды преступлений. К данному типу признаков можно отнести и наличие обстоятельств, позволяющих эффективно осуществлять производство по делу административного учета. Немаловажен контроль над самими сделками с муниципальной недвижимостью, а именно над тем, при каких обстоятельствах происходит отчуждение либо взятие в аренду того, либо иного объекта государственной собственности.

9. Также весьма важен контроль над лицами, состоящими на оперативном учете, из числа ранее судимых, от которых реально ожидать повторного совершения подобных преступлений.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // СПС КонсультантПлюс.

2. О порядке проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества, и перечне видов имущества, в отношении которого заключение указанных договоров может осуществляться путем проведения торгов в форме конкурса: приказ Федеральной антимонопольной службы № 67 от 10.02.2010 г. № 67 (в ред. от 11 июля 2019 г.) // Рос. Газета. 2010. 24 февраля.

3. Гармаев Ю.П., Степаненко Д.А., Степаненко Р.А. Особенности расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве и коммерческом подкупе: Подготовлен для системы КонсультантПлюс // СПС КонсультантПлюс. 2017.

4. Исиченко А.П. Оперативно-розыскная характеристика преступлений: фантом или реальность? // Российский следователь. – 2015. – N 13. – С. 41 – 45.

5. Соловьев И.Н. Оперативно-розыскная деятельность в сфере экономики и налогообложения. – М.: Проспект, 2017. – 543 с.

6. Еремин С.Г. Актуальные вопросы управления государственной и муниципальной собственностью.

Учебное пособие: моногр. – М.: Юстицинформ, 2019. – 752 с.

7. Никонович С.Л. Оперативно-розыскная деятельность таможенных органов. // Состояние, тенденции и перспективы развития уголовно-исполнительной системы. Материалы международной научно-практической конференции. – Липецк, 2004. – С. 100 – 106.

Operational search characteristics of crimes in the field of procurement for the sale or lease of state and municipal property

Androsov D.A.

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article reveals some issues of operational-search characteristics of crimes in the field of procurement for the sale or lease of state and municipal property.

Keywords: government procurement, crime, state and municipal property.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 01.04.2019) // SPS ConsultantPlus.
2. On the procedure for holding tenders or auctions for the right to conclude lease agreements, agreements on gratuitous use, agreements on trust management of property, other agreements providing for the transfer of rights in relation to state or municipal property, and a list of types of property in respect of which the conclusion of these agreements can be carried out by holding tenders in the form of a competition: order of the Federal Antimonopoly Service No. 67 dated February 10, 2010 No. 67 (as amended on July 11, 2019) // Ros. Newspaper. 2010.24 February.
3. Garmaev Yu.P., Stepanenko D.A., Stepanenko R.A. Peculiarities of investigation of crimes related to mediation bribery and commercial bribery: Prepared for the ConsultantPlus system // SPS ConsultantPlus. 2017.
4. Isichenko A.P. Investigative characterization of crimes: phantom or reality? // Russian investigator. - 2015. - N 13. - S. 41 - 45.
5. Soloviev I.N. Operational search activity in the field of economics and taxation. - M. : Prospect, 2017. -- 543 p.
6. Eremin S.G. Topical issues of state and municipal property management. Study guide: monograph. - M. : Yustitsinform, 2019. -- 752 p.
7. Nikonovich S.L. Operational search activity of customs authorities. // State, trends and prospects of the development of the penal system. Materials of the international scientific and practical conference. - Lipetsk, 2004. -- P. 100 - 106.

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА ПО ЕГО КОНСТРУКТИВНЫМ ПРИЗНАКАМ

Авдеева Екатерина Валерьевна

адвокат, старший партнер, адвокатского бюро «МАГРАС»

Статья посвящена проблемам квалификации мошенничества по его основным признакам – обмана и злоупотребления доверием. В статье обращается внимание на неоднозначное понимание судами понятия обмана и злоупотребления доверием. При этом автор делает предложения в целях совершенствования уголовного законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: мошенничество, обман, злоупотребление доверием, доверчивость, причинение имущественного ущерба, имущество.

В УК РФ обман и злоупотребление доверием в качестве способов совершения преступления предусмотрены в ст. ст. 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 и 165 УК РФ. Это соседство различных по содержанию способов реализации общественно опасных деяний, связанных лишь единством объекта преступного посягательства (собственность), как в теории уголовного права, так и в следственно-судебной практике приводит к стиранию граней между ними, расширению или сужению рамок этих понятий и, в конечном счете, к их отождествлению.

Вопрос осложняется еще и тем, что в УК РФ нет определения понятий обмана и злоупотребления доверием, они трактуются усмотрением судов, а в уголовно-правовой науке по этому поводу существуют различные, подчас исключаящие одна другую точки зрения.

В задачу нашей статьи не входит подробный анализ взглядов ученых по этим вопросам. Отметим лишь, что некоторые из них под обманом понимают искажение любых фактов, относящихся к прошлому и настоящему, если это привело к преступному результату, а также умолчание о них [5, с.390].

Придерживаясь точки зрения ученых, считающих, что содержанием обмана могут быть только сведения о событиях и фактах, относящихся к настоящему или прошедшему времени [7, с.267], автор исходит из того, что исказить можно лишь то, что реально существовало или существует. При обмане искажаются события и явления реальной действительности, иначе говоря – истина, которую философия науки определяет как верное, правильное отражение действительности в мыслях человека. Действительность – это то, что реально существует и отличается от всего логически мыслимого, возможного, вероятного, но пока не существующего [8, с.378].

События и явления будущего логически возможны, они могут и произойти и не произойти. Исказить что-то возможное, ожидаемое в будущем, на наш взгляд, нельзя.

Исходя из сказанного, под преступным обманом, с нашей точки зрения, следует понимать умышленное искажение истины (или умолчание о ней), ведущее к фальсификации воли противной стороны в целях незаконного получения имущества или прав на него.

В науке уголовного права нет единства и в определении понятия злоупотребления доверием. В ней дискутируются в основном три спорных вопроса. Во-первых, о содержании самого понятия «злоупотребление доверием», во-вторых, о соотношении понятий «злоупотребление доверием» и

«злоупотребление доверчивостью», и, в-третьих, о понимании злоупотребления доверием самостоятельным способом совершения преступления или разновидности обмана.

По нашему мнению, правы авторы, которые признают злоупотребление доверием самостоятельным способом преступления [4, с.4–7] и под злоупотреблением доверием понимают обещание действий, которые виновный, якобы, намерен совершить в будущем и за это он получает материальную или денежную выгоду [5, с.390].

Развивая этот тезис, нельзя не отметить, что в таком виде понятие злоупотребления доверием неоправданно сужается указанием на то, что виновный в обеспечение своих будущих действий должен получить материальную или денежную выгоду. Как нам представляется, мошенническое получение выгоды лицом следует связывать с его будущими действиями, которые он должен выполнить в соответствии с условиями договора, но не намерен выполнять без указания на то, что материальная или денежная выгода получена в обеспечение будущих действий.

Итак, под уголовно наказуемым злоупотреблением доверием следует понимать завладение виновным чужим имуществом или получение права на него в связи с ложными обещаниями совершить определенные действия в будущем.

Четкое определение содержания понятий обмана и злоупотребления доверием не только имеет теоретическое значение, но и представляет практический интерес для следственных и судебных органов. Отсутствие законодательного определения обмана привело, например, к принятию Чеховским городским судом Московской области ошибочного, по нашему мнению, определения по делу З.

В кассационном определении Московского областного суда указано, что «действия лица, путем гадания, получавшего с граждан деньги и ценные вещи, правильно квалифицированы как мошенничество» [1].

В данном случае суд признал, что З. завладела имуществом граждан путем обмана, т.е. путем «искажения истины», поскольку ее «предсказания» в будущем не сбылись.

Представляется, что признавать обман при гадании и подобных действиях предсказателей, ясновидящих и т.п. способом преступного завладения чужим имуществом нет оснований. В приведенном примере не существует связи между действиями З. и передачей ей имущества. Содержанием гадания, предсказания или ясновидения являются различного рода предопределения судьбы, событий и явлений, которые якобы «наступят» в будущем. Гадалка, предсказатель или ясновидец не искажают истины (они сами, может быть, не имеет о ней ни малейшего представления), своими действиями они не направляет волю потерпевшего на принятие решения передать деньги или имущество.

Потерпевший в данном случае платит «за услугу», сознавая при этом, что от гаданий, предска-

ний или ясновидения не зависит, произойдут те или иные события или нет (например, в подобных случаях надо было бы привлекать к уголовной ответственности ведущих телевизионной передачи «Звезды и судьбы» или же экстрасенсов за услуги, которые они оказывают) [6, с.20].

Весьма часто, квалифицируя действия виновных как мошенническое завладение чужим имуществом, органы расследования и суд расценивают злоупотребление доверием как мошеннический обман. Так, например, Орехово-Зуевским городским судом Московской области З. была осуждена за то, что она, дав заведомо ложные обещания приобрести телефоны «Apple iPhone 6» ниже рыночной стоимостью, завладела 17 000 руб. М. и 17 000 руб. Т. Действия З. были квалифицированы как мошенничество, совершенное путем обмана [2].

Солнцевским районным судом г. Москвы был осужден М., который, будучи командиром студенческого отряда и получая деньги на всех студентов, часть заработной платы присваивал, М. называл им меньшую сумму. Действия М. были квалифицированы как мошенничество путем злоупотребления доверием [3].

С нашей точки зрения, в обоих случаях допущена судебная ошибка в установлении способа преступления: в первом имело место злоупотребление доверием, во втором – обман, а не наоборот, как квалифицировал суд.

Судебные ошибки подобного рода на первый взгляд кажутся несущественными и не влияющими ни на квалификацию содеянного (оба способа являются элементами одного и того же состава преступления – мошенничество), ни на меру назначаемого уголовного наказания. Однако трудно согласиться с такой постановкой вопроса. Смешение понятий обмана и злоупотребления доверием на практике ведет, прежде всего, к игнорированию принципа индивидуализации наказания.

В уголовно-правовой литературе неоднократно подчеркивалось, что обман как способ совершения преступления обладает большей степенью общественной опасности, чем злоупотребление доверием [7, с.266].

Обман по своей сущности более активен и опасен. При этом потерпевший лишен возможности предотвратить отрицательные последствия своего поведения, будучи убежденным в его обязательности или выгоды. Обман имеет большую распространенность, нежели злоупотребление доверием [7, с.267].

Как свидетельствует судебная практика, при злоупотреблении доверием потерпевший зачастую виноват сам (в приведенном деле по обвинению З. потерпевшие стремились приобрести телефоны вне торгующих организаций), так как доверились малознакомому или вовсе незнакомому человеку. Потерпевший имеет возможность предотвратить невыгодные последствия своего поведения, проявив определенную долю осмотрительности, разборчивости в знакомствах, в средствах достижения своих целей. Под влиянием обмана лицо, вве-

денное в заблуждение, не подозревает отрицательных последствий своего поведения и подчас вообще лишено возможности действовать иным образом.

Например, работник отдела социального обеспечения обязан назначить пенсию по документам, о подложности которых он не подозревает. По-иному он поступить не может. Смещение понятий обмана и злоупотребления доверием ведет на практике к назначению наказания без учета степени их общественной опасности, иначе говоря, к нарушению принципа индивидуализации наказания и вытекающим из этого нежелательным последствиям.

Ст. 73 УК РФ относит способ совершения преступления к обстоятельствам, подлежащим установлению и доказыванию органами дознания, предварительного следствия и при разбирательстве уголовного дела в суде. От правильного установления его зависит не только квалификация содеянного в соответствии с фактическими обстоятельствами дела и нормой уголовного закона, но и доказанность самого преступления. В противном случае, по нашему мнению, будет нарушено право обвиняемого на защиту. Обвиняемый должен знать четкие границы предъявленного ему обвинения и в соответствии с этим строить свою защиту.

Задача науки уголовного права состоит в том, чтобы разграничить важнейшие правовые понятия, определить их содержание и тем самым помочь правильному и единообразному применению их на практике. Отсутствие законодательного определения понятий обмана и злоупотребления доверием приводит к тому, что и в науке уголовного права они трактуются по-разному.

Имеются попытки неоправданно расширить границы уголовно наказуемого мошенничества путем включения в него деяний, не являющихся преступными, что в свою очередь на практике может привести к расширению действия уголовного закона. Так, например, насколько правомерно допускать возможность признания присвоения или растраты чужого имущества разновидностью мошенничества, в частности, совершенного способом злоупотребления доверием.

Как известно, присвоение или растрата чужого имущества, правомерно оказавшегося во владении присвоившего или растратившего, является самостоятельным преступлением по УК РФ (ст. 160), в которых этот состав существует наряду с мошенничеством. В УК РФ аналогия закона не допускается. Также надо иметь в виду, что виновный при совершении мошенничества имеет умысел на завладение чужим имуществом до передачи имущества или, хотя бы, в момент его передачи. Как при присвоении, так и при растрате чужого имущества умысел на его хищение возникает у виновного после правомерного перехода к нему этого имущества по воле собственника или иного владельца.

Нельзя не обратить внимания и на попытки некоторых ученых расширить границы уголовно

наказуемого обмана. Вряд ли можно согласиться с мнением, что мошенник может предложить потерпевшему поднести, подержать, присмотреть вещи последнего, но может также путем различных ухищрений поставить его в такие условия, когда потерпевший попросит его об этой услуге. И в том, и в другом случае обман стоит в причинной связи с завладением имуществом. Использование обмана в качестве средства для получения имущества и передача имущества самим потерпевшим исключает возможность говорить о краже.

Согласно изложенной точке зрения, если, например, А. попросил Б. присмотреть за его вещами и сам ушел в билетную кассу, а Б., воспользовавшись отсутствием собственника, похитил вещи, то в действиях Б. следует усмотреть состав мошенничества.

Такое толкование понятия преступного обмана представляется неверным. Как справедливо отмечается в уголовно-правовой литературе, хищение при мошенничестве может иметь место лишь в том случае, когда путем обмана или злоупотребления доверием виновный получает имущество либо в собственность, либо в пользование, либо во владение, с фактическим приобретением права распоряжаться имуществом [9, с.269].

В литературе высказано мнение о том, что если при оформлении договора проката (ст. 626 ГК РФ), виновный имел намерение завладеть имуществом, полученным по договору, то он действовал путем мошеннического обмана, если же такое намерение возникло после получения имущества, то завладение осуществлено путем злоупотребления доверием.

В уголовно-правовой литературе также высказывается, что завладение чужим имуществом путем злоупотребления доверием будет иметь место лишь в том случае, когда лицо при оформлении договора проката имело намерение присвоить полученное по договору. Состав мошенничества будет и тогда, когда виновный хотя и не имел такого намерения, но после получения имущества по договору проката распорядился им как своей собственностью.

Приведенные высказывания являются еще одной попыткой раздвинуть рамки понятия преступного мошенничества и подвести под этот состав деяния, не являющиеся преступными.

Мошенничество, то есть совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц или приобретение права на чужое имущество, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Получение имущества по договору проката без намерения распорядиться им как своим собственным есть получение его во временное владение и пользование на основе гражданско-правового договора. Отсутствие умысла присвоить полученное по прокату имущество свидетельствует о том, что в действиях лица нет состава преступления. Невозвращение взятой по договору

проката вещи при отсутствии умысла на ее завладение при заключении договора не влияет на правовую оценку действий виновного и должно влечь за собой гражданско-правовую ответственность. Именно так подходит к разрешению этих вопросов и судебная практика.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [10] говорится: «В случаях, когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него». «...Судам следует учитывать, что указанные обстоятельства сами по себе не могут предрешать выводы суда о виновности лица в совершении мошенничества. В каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо не намеревалось исполнять свои обязательства».

На основании изложенного можно прийти к выводу о необходимости законодательного закрепления понятий обмана и злоупотребления доверием в форме примечания к с. 159 УК РФ и четкого разграничения их содержания наукой уголовного права и практикой применения уголовного закона о составах мошенничества.

Литература

1. Архив Балашихинского городского суда Московской области. 2013 г.
2. Архив Люберецкого городского суда Московской области. 2016 г.
3. Архив Солнцевского районного суда г. Москвы. 2015 г.
4. Борзенков Г. Разграничение обмана и злоупотребление доверием // Уголовное право. – 2008. – № 5.
5. Боровиков В.Б., Смердов А.А. Уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. В.Б. Боровикова. – М., 2014.

6. Джинджолия Р.С. Об оценочных понятиях обмана и злоупотребления доверием в статьях Особенной части УК РФ // Российская юстиция. – 2016. – № 11. – С. 18–21.

7. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.Э. Жалинский. – М., 2010.

8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2008.

9. Особенная часть уголовного кодекса Российской Федерации. Комментарий. Судебная практика. Статистика / под общей ред. В.М. Лебедева, отв. ред. А.В. Галахова. – М., 2009.

10. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 // Российская газета. 2008. – Выпуск № 4561 – 12 января.

The problem of qualifying fraud by its design features

Avdeeva E.V.

law firm "MAGRAS"

The article is devoted to the problems of fraud on qualifications its main characteristics-fraud and breach of trust. The article draws attention to the ambiguous understanding of the courts the notion of fraud and breach of trust. The author makes proposals to improve the criminal law and its application.

Key words: fraud, deceit, abuse of trust, gullibility, causing damage to property.

References

1. Archive of the Balashikha City Court of the Moscow Region. 2013
2. Archive of the Lyubertsy City Court of the Moscow Region. Feb 2016
3. Archive of the Solntsevsky District Court of Moscow. 2015
4. Borzenkov G. Differentiation of deception and abuse of trust // U head law. - 2008. - No. 5.
5. Bоровиков В.Б., Смердов А.А. Criminal law. General and Special parts / ed. V.B. Borovikov. - M., 2014.
6. Jinjolia R.S. On evaluative concepts of deception and abuse of trust in the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation // Russian Justice. - 2016. - No. 11. - S. 18–21.
7. Commentary on the criminal code of the Russian Federation / отв. ред. А.Э. Жалинский. - М., 2010.
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. - M., 2008.
9. A special part of the criminal code of the Russian Federation. A comment. Arbitrage practice. Statistics / ed. V.M. Lebedev, rep. ed. A.V. Galakhova. –M., 2009.
10. On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2007 No. 51 // Rossiyskaya Gazeta. 2008. - Issue No. 4561 - January 12.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ НОРМ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Борков Виктор Николаевич

доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права, Омская академия МВД России

В России отсутствует стройная система уголовно-правовой охраны деятельности государства от посягательств должностных лиц. Нормы, предусматривающие ответственность за должностные преступления сложно классифицировать, не просто объяснить место отдельных статей в структуре Особенной части УК РФ. В статье анализируются существующие подходы деления на группы норм, предусматривающих ответственность за должностные преступления, обосновывается авторское представление о структуре уголовно-правовой охраны нормального функционирования государства.

Ключевые слова: система преступлений; общие виды должностных преступлений; специальные виды должностных преступлений; злоупотребление должностными полномочиями; взяточничество; коррупционные преступления.

В России отсутствует стройная система уголовно-правовой охраны функционирования государства. Нормы, предусматривающие ответственность за должностные преступления сложно классифицировать, не просто объяснить место отдельных статей в структуре Особенной части УК РФ. Между тем, классификация любой группы уголовно-правовых норм имеет не только познавательное значение и глубже раскрывает содержание запретов, она позволяет оценить адекватность каждой такой нормы в отдельности и их совокупности нуждающимся в охране, развивающимся общественным отношениям.

Часто преступления, предусмотренные одной главой УК РФ, классифицируют с учетом определенной в ее названии структуры видового объекта. Такой подход применим, например, к посягательствам против: жизни и здоровья; половой неприкосновенности и половой свободы личности; здоровья населения и общественной нравственности. Преступления против государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления классифицировать исходя из, так называемого, подвидового объекта, определив какие из них посягают на власть, а какие на интересы службы, практически невозможно. В какую из групп, например, следовало бы включить незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ) или халатность (ст. 293 УК РФ)? Данные преступления могут посягать, как на государственную власть, если будут совершены лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации, так и на интересы государственной или муниципальной службы, в случае совершения должностными лицами, являющимися служащими государственных или муниципальных органов.

Традиционным является деление норм, предусматривающих ответственность за должностные преступления, на общие и специальные. Общими признаются нормы, предусматривающие ответственность за злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) и халатность (ст. 293 УК РФ), все другие являются их специальными видами.

Например, специальными видами злоупотребления должностных полномочий следует признать нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ) и нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборон-

ного заказа (ст. 285.4 УК РФ) а также ряд преступлений против правосудия: привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела (ст. 299 УК РФ), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ) и др. Специальным видом превышения должностных полномочий является принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ), а специальным видом халатности – нарушение правил несения боевого дежурства (боевой службы) вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, повлекшее тяжкие последствия (ч. 3 ст. 340 УК РФ). Примечательна структура запрета на воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 169 УК РФ), который в части неправомерного отказа в регистрации юридического лица или в выдаче лицензии является специальным видом должностного злоупотребления, а в части ограничения самостоятельности либо иного незаконного вмешательства – это превышение виновного своих должностных полномочий.

Между тем, ряд посягательств главы 30 УК РФ, не являются специальными видам ни одного из трех названных выше общих видов должностных преступлений. Сложно назвать общие нормы по отношению к неисполнению сотрудником органа внутренних дел приказа (ст. 286.1 УК РФ), отказу в предоставлении информации Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации (ст. 287 УК РФ), незаконному участию в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ), взяточничеству (ст.ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ), служебному подлогу (ст. 292 УК РФ), незаконной выдаче паспорта гражданина Российской Федерации (ст. 292.1 УК РФ).

Возможен еще один подход к классификации преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Учитывая, что в 30 главе УК РФ отсутствуют нормы, предусматривающие ответственность за специальные виды превышения должностных полномочий и халатности, а также наличие в ней составов, для которых в уголовном законе вообще не предусмотрено общих норм, предлагается считать все нормы исследуемой главы, – общими. Объясняется это тем, что их объектом являются общественные отношения, развивающиеся во всех сферах функционирования государства. Как правило, нормы, предусматривающие ответственность за преступления должностных лиц в конкретной сфере публичных отношений, размещаются в других главах.

Например, ст. 128 УК РФ «Незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях» позиционируется как посягательство на свободу честь и достоинство личности (глава 17 УК РФ), ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности» находится в главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», а ст. 305 УК РФ

«Вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта» в главе 31 УК РФ «Преступления против правосудия». Но, во-первых, здесь речь идет не классификации посягательств главы 30 УК РФ, а формировании представления о построенной в масштабах всего УК РФ системе охраны от должностных преступлений. Во-вторых, законодатель нарушил это правило, предусмотрев в главе 30 УК РФ ответственность за преступления, посягающие на вполне определенные сферы функционирования государства. Так, незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации (ст. 292.1 УК РФ) является преступлением против порядка управления. В качестве объекта злоупотребления должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 285.4 УК РФ) выступает внешняя и внутренняя безопасность государства.

В контексте исследуемой проблемы считаем, что самостоятельную группу посягательств на нормальное функционирование государства образуют коррупционные преступления. «Следует исходить из того, что коррупционное преступление – это общественно опасное деяние участника коррупционных отношений, складывающихся между должностными и иными лицами в целях извлечения незаконной имущественной и иной выгоды в результате использования должностными лицами своих полномочий или положения вопреки интересам личности, общества и государства. К признакам коррупционного преступления наряду с обязательным участием в нем специального субъекта – должностного лица, использующего свои должностные полномочия или положение, и корыстной направленностью следует отнести необходимое соучастие» [1, с. 193]. «К субъектам коррупции, – пишет Т. Я. Хабриева, – следует отнести и лиц, предпринимающих попытки к коррумпированию должностных лиц» [2, с. 16]. Типичным видом коррупционного преступления является взяточничество (ст.ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ). Следует согласиться с представлением Б. В. Волженкина о взяточничестве как о необходимом соучастии, где взяткодатель «...умышленно, совместно с должностным лицом участвует в посягательстве на нормальную деятельность публичного аппарата» [3, с. 193]. Показателен подход законодателя к установлению ответственности за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ), как за единое преступление, совершаемое совместно взяткополучателем и взяткодателем.

По определению соучастием является преступление, предусмотренное ст. 289 УК РФ «Незаконное участие в предпринимательской деятельности». Совершить данное посягательство без вовлечения других лиц практически невозможно. Незаконность осуществления чиновником предпринимательской деятельности, как правило, осознают руководители и сотрудники организации, а также партнеры. Они понимают причины наличия вы-

годных подрядов, контрактов, завышенных цен на услуги коммерческой структуры, фактически возглавляемой чиновником. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, является только должностное лицо, предоставляющее льготы и преимущества «своей» организации, покровительствующее ей в иной форме. Поэтому вопрос о криминализации действий соучастников незаконной предпринимательской деятельности должностного лица, которые часто являются выгодоприобретателями, считаем достаточно актуальным.

Ответственность двух сторон коррупционных отношений в сфере выполнения государственного оборонного заказа установлена в ст.ст. 201.1 и 285.4 УК РФ. Специальные нормы призваны усилить ответственность за злоупотребления полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа совершаемые как должностными лицами организаций, выступающих в качестве государственного заказчика, так и руководителями организаций исполнителей. Верхний предел наказания в виде лишения свободы, указанный в частях первых ст.ст. 201.1 и 285.4 УК РФ в два раза превышает размер санкции ч. 1 ст. 285 УК РФ.

Считаем, законодатель неточно определил место нормы, предусматривающей ответственность за злоупотребление, совершаемое руководителем организации исполнителя государственного заказа (ст. 201.1 УК РФ), в структуре Особенной части как посягательства на интересы службы в коммерческих и иных организациях (глава 23 УК РФ). Данное преступление посягает не на интересы коммерческой организации, а на безопасность государства.

Злоупотребление при выполнении государственного оборонного заказа совершается, как правило, в соучастии. Злоупотребление руководителя организации исполнителя становится возможным только с попустительства или при содействии должностного лица государственного заказчика. Об этом свидетельствуют типичные способы совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 201.1 и 285.4 УК РФ. Возможные злоупотребления указаны в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», который предписывает контролирующему органу возбуждать и рассматривать дела о нарушении законодательства в сфере государственного оборонного заказа (ст. 15.11).

Характеристику таких нарушений содержит ч. 3 ст. 8, которая запрещает действия (бездействие) головного исполнителя, исполнителя, влекущие за собой необоснованное завышение цены на продукцию по государственному оборонному заказу, неисполнение или ненадлежащее исполнение государственного контракта, в том числе действия (бездействие), направленные: 1) на включение в себестоимость производства продукции затрат, не связанных с ее производством; 2) на установление экономически, технологически и иным образом не обоснованной цены на продукцию, поставляемую заказчику или головному исполнителю, исполни-

телю, превышающей цену, сложившуюся на соответствующем товарном рынке; 3) на использование полученных по государственному контракту, контракту средств на цели, не связанные с выполнением государственного оборонного заказа.

В свою очередь злоупотребление полномочиями, совершаемые должностными лицами государственного заказчика обусловлены их основными правами (ст. 6.2) и обязанностями (ст. 7). Например, субъект может злоупотребить полномочиями по разработке предложений по объему поставок продукции по государственному оборонному заказу и его основным показателям; по размещению заказа и формированию его цены; по заключению контракта и осуществлению контроля за целевым использованием бюджетных ассигнований; по контролю за качеством товаров и работ. Таким образом, возможные злоупотребления должностных лиц государственного заказчика и исполнителей оборонного заказа тесно взаимосвязаны, предполагают согласованные действия (бездействие) сторон и фактически представляют собой коррупционные отношения. Учитывая имущественный характер отношений, развивающихся в сфере выполнения государственного оборонного заказа, можно предположить, что преступления, предусмотренные ст.ст. 201.1 и 285.4 УК РФ всегда совершаются из корыстной заинтересованности. Таким образом, комментируемые нормы предусматривают ответственность за коррупционные преступления, совершаемые в конкретной сфере – обеспечения обороноспособности и безопасности, поэтому соответствующие запреты следовало бы разместить в главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

В уголовно-правовой охране нуждается не только выполнение государственного оборонного контракта, но и расходование государственных средств в целом. Социально обусловлено дополнение уголовного закона общей нормой, предусматривающей ответственность участников коррупционной сделки [4, с. 15]. Пункт 25 постановления Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [5] предписывает действия должностного лица, заключившего договор, на основании которого перечислило вверенные ему средства в размере, заведомо превышающем рыночную стоимость указанных в договоре товаров, работ или услуг квалифицировать как растрату вверенного имущества. Подобный подход является социально обусловленным, но, как справедливо утверждает Н. А. Лопашенко, «для таких заключений современная редакция ст. 160 УК РФ оснований не дает» [6, с. 500]. Денежные средства не вверены, а находятся в ведении у должностного лица, которое принимает решение об их перечислении. Кроме того, остается нерешенным вопрос о юридической оценке поведения контрагентов, на счета которых перечисляются похищенные средства. Они осознают, что вступают с должностным

лицом в заведомо ущербную для государства коррупционную сделку. В случае если заинтересованное лицо не организовывало должностного преступления и не подстрекало к его совершению, найти правовые основания уголовной ответственности практически невозможно. Отсутствие ясности при определении роли потребителей коррупционных услуг ослабляет потенциал уголовного закона в предупреждении коррупции.

Например, Уголовный кодекс Кыргызской Республики 2017 г. содержит ст. 322 «Заклучение заведомо невыгодного контракта», которая предусматривает наказание за «заклучение должностным лицом заведомо невыгодного для государства контракта (договора), а равно осуществление таким должностным лицом государственной закупки, причинившие крупный ущерб». Ответственность второй стороны договорных отношений предусмотрена в ст. 224 УК КР, карающей за «умышленное или неосторожное нарушение порядка проведения публичных торгов, аукциона или тендера, а равно заклучение заведомо невыгодного контракта, причинившие собственнику имущества, организатору торгов или аукциона, покупателю или иному хозяйствующему субъекту ущерб в крупном размере». Если ответственность за заведомо невыгодного государственного контракта (ст. 322 УК КР) предусмотрена в главе «Коррупционные и иные преступления против государственной и муниципальной службы), то преступление, предусмотренное ст. 224 УК КР является посягательством «против интересов службы в коммерческих и иных организациях».

Считаем, что в уголовном законе Кыргызской Республики можно было бы выстроить и более логичную структуру охраны договорных отношений с участием государства. Как было показано выше, заведомо ущербный для государства характер коррупционной сделки осознают обе ее стороны. Кыргызский законодатель в ст. 219 УК КР «Коррупция» определяет ее как «...умышленные деяния, состоящие в создании противоправной устойчивой связи одного или нескольких должностных лиц, обладающих властными полномочиями, с отдельными лицами или группировками в целях незаконного получения материальных, любых иных благ и преимуществ, а также предоставление ими этих благ и преимуществ физическим и юридическим лицам, создающее угрозу интересам общества или государства». После признания коррупционерами представителей обеих сторон коррупционных отношений, было бы логично предусмотреть в ст. 322 УК КР ответственность, не только должностных лиц, но и иных лиц, заключающих заведомо невыгодный контракт с государственной организацией. Кроме того, от «заведомо невыгодных контрактов» предлагаем охранять только интересы государства, которое представляет все общества и каждого отдельного гражданина. Негосударственные коммерческие организации занимают предпринимательской деятельностью на свой страх и риск в целях извлечения прибыли, поэтому даже заведомая невыгодность сделки для

одной стороны и выгода для другой не могут порочить сделку.

Коррупционная сделка разрушает осуществление государственных функций методом договорного регулирования [7]. Объективная сторона данного преступления выражается в использовании должностными лицами и иными субъектами административно-хозяйственных полномочий при заклучении договора, причиняющего крупный ущерб государству или государственной организации. Состав коррупционной сделки предполагает необходимое соучастие и создает основание для привлечения к уголовной ответственности не только должностного лица, злоупотребляющего своими полномочиями, но и его контрагента. Субъекты коррупционной сделки осознают ее ущербность для нормального функционирования государства, поэтому мотив совершения преступления для квалификации не должен иметь значения.

Подобно тому, как в качестве системообразующего критерия при построении Особенной части УК РФ выступает объект преступления, система уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за должностные преступления, должна строиться с учетом сферы функционирования государства, на которую совершается посягательство. Законодатель в основном следует данному правилу. В главе 30 УК РФ расположены нормы о должностных преступлениях, которые могут быть совершены во всех сферах функционирования государства. Условно их можно разделить на три группы: основные должностные преступления (ст.ст. 285, 286, 292, 293 УК РФ); специальные виды должностных преступлений, совершаемые в различных сферах (ст.ст. 285.1, 285.2, 285.3 УК РФ); коррупционные должностные преступления (ст.ст. 289, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ). Как было показано выше, ответственность за злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст.ст. 201.1 и 285.4 УК РФ) должна быть установлена в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». В свою очередь неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа (ст. 286.1 УК РФ) и незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации (ст. 292.1 УК РФ) посягают на порядок управления (глава 31 УК РФ).

Литература

1. Борков В. Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами. М., 2016. С. 193.
2. Хабриева Т. Я. Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 16.
3. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000. С. 193.
4. Борков В. Н. Преступления против осуществления государственных функций совершаемые должностными лицами: автореф. дисс... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. С. 15.
5. Рос. газета. 2013. 17 июля.

6. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность. М., 2012. С. 500.

7. Фролова О.А., Никонович С.Л. Некоторые проблемы борьбы с коррупцией // Право, экономика и общество в современной России. Материалы первой научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. 2003. С. 63 – 65.

8. Авдалян А.Я., Никонович С.Л. Уголовная ответственность юридических лиц в федеральном законодательстве США (уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты) // Уголовное законодательство вчера, сегодня, завтра (памяти профессора С.Ф. Кравцова). Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции: в двух частях. Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2015. С. 15 – 18.

Actual problems of the system of norms providing responsibility for official crimes

Borkov V.N.

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
In Russia there is no coherent system of criminal and legal protection of the activities of the state against encroachments by officials. The rules providing for responsibility for official crimes are difficult to classify, it is not easy to explain the place of separate articles in the structure of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The article analyzes the existing approaches to dividing groups of norms that provide for responsibility for official crimes, justifies the author's idea of the structure of the criminal legal framework for the normal functioning of the state.

Key words: system of crime; common types of malfeasance; special types of malfeasance; abuse of official authority; corrupt practices; corruption crimes.

References

1. Borkov V. N. Crimes against the implementation of state functions, committed by officials. M., 2016.S. 193.
2. Khabrieva T. Ya. Corruption and law: doctrinal approaches to the problem statement // Journal of Russian law. 2012. No. 6. P. 16.
3. Volzhenkin BV Official crimes. M., 2000. S. 193.
4. Borkov VN Crimes against the implementation of state functions committed by officials: author. diss ... Dr. jurid. sciences. Omsk, 2015.S. 15.
5. Grew up. newspaper. 2013.17 July.
6. Lopashenko N. A. Encroachment on property. M., 2012.S. 500.
7. Frolova O.A., Nikonovich S.L. Some problems of the fight against corruption // Law, Economics and Society in Modern Russia. Materials of the first scientific-practical conference of students, graduate students and young scientists. 2003.S. 63 - 65.
8. Avdalyan A.Ya., Nikonovich S.L. Criminal liability of legal entities in US federal law (criminal law and criminal procedural aspects) // Criminal law yesterday, today, tomorrow (in memory of Professor S.F. Materials of the annual all-Russian scientific-practical conference: in two parts. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2015.S. 15 - 18.

ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ВОСПРИЯТИЕ КРИМИНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Кунц Владимир Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент, кафедры уголовного права и криминологии, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Интернет в настоящее время охватил большое число группы граждан. Его информации доверяют, как на местном, так и на глобальных уровнях, что вызывает обязательный контроль за информацией в интернете. Необходим мониторинг его информационного наполнения, как в России, так и за рубежом.

Ключевые слова: интернет, криминальная информация, зарубежные страны, электронные адреса.

В настоящее время в связи с развитием компьютерной техники и телекоммуникаций, расширением доступности этой техники и общим повышением уровня компьютерной грамотности и интернет начал приобретать качественно новые черты.

По данным международной организации Internet World Stats (США) число пользователей интернетом с 1995 года увеличилось почти в сто раз и им пользуется свыше 80% населения.

На начало 2010 года существует свыше 234 млн. веб-сайтов, только за 2009 год зарегистрировано более 100 млн. электронных адресов, отправлено около 90 трлн. сообщений. Среднее количество электронных писем, посылаемых в сутки, составило 247 млрд.

По данным американских исследователей в среднем каждый пользователь проводит в интернете около 68 часов в месяц. Дольше всего пользователи находятся в социальной сети FaceBook (в среднем 5,5 часов при каждом заходе) и поисковике Yahoo (около 3 часов). В сети Google, которая является мировым лидером по охвату аудитории, пользователи в среднем проводят менее 2 часов.

Необходимо отметить, что несмотря на относительно небольшое количество, пользователи интернета представляет собой наиболее интеллектуальную и активную часть населения, влияющую, в том числе на состояние политической и социально-экономической ситуации в регионах, а также принятие различного рода знаковых решений.

По данным исследования MASMI Russia 87% российской аудитории бывают в интернете 7 дней в неделю. 36,9% проводят в день 3-8 часов в интернете, 33,9% проводят там от 1 до 3 часов каждый день, и лишь 11,2% проводят в интернете менее часа. При этом есть сильная корреляция между уровнем дохода, и доступом к интернету. Из семей со средним доходом в интернет имеет доступ каждая вторая (44%), с доходом выше среднего три из четырех (75%), а в семьях с доходом ниже среднего всего 16%. И всё больше людей начинают искать ответы на различные вопросы, в том числе связанные с наркотиками именно в интернете.

Как и в момент своего возникновения, интернет продолжает служить универсальным справочным ресурсом, или средством получения информации. По экспертным оценкам специалистов до 70% новостной информации население получает посредством телевидения, около 23% через интернет и только 10% из печатных средств массовой информации.

В то же время, необходимо отметить, что методы работы, рассматривающие пользователя интернета как простого читателя официальных и

информационных сайтов, оказываются полностью несостоятельны при столкновении с новыми формами жизни в интернете.

Новые способы использования интернета уже для нескольких поколений активных пользователей сделали его, в первую очередь, живой средой общения более важной, чем телефон, газеты, и живые встречи с товарищами и друзьями вместе взятые (прообраз "массовых клубов по интересам", "дворовой площадки" или "кухни в коммунальной квартире", в зависимости от возраста и потребностей пользователя).

Если раньше пользователи искали информацию в сети, и заходили на интересующие их тематические сайты, где авторы предлагали свои материалы, то с развитием технологий WEB 2.0 (акцентируют двустороннее общение) и в частности "социальных сетей" (где осуществляется такое двустороннее общение) типичное использование интернета активными пользователями стало иным. Основными производителями информации (текстов) стали сами пользователи.

Социологические исследования показывают, что среднестатистический сотрудник организации, имеющий доступ к интернету, проводит там 3-4 часа рабочего времени, в основном в тематических блогах, где ежедневно обсуждается 7-10 актуальных тем, или в каких-либо иных социальных сетях.

Сейчас человек вне зависимости от возраста и интересов регистрируется в одной или нескольких социальных сетях, например vkontakte.ru – 62 миллиона анкет, 14 миллионов посещений за месяц. Livejournal.com (основная политическая и пропагандистская площадка) – 1.2 миллиона активных пользователей из России (по всему миру 23 миллиона), наиболее распространенный возраст пользователя 29 лет. Odnoklassniki.ru – 40 миллионов пользователей всех возрастных категорий, 8 миллионов посещений в сутки. Также существует более тысячи мелких сетей.

Пользователь не ищет информации или специальных мест для дискуссий. Он пишет что-то о своей жизни или читает что-то о жизни своих друзей, которые его пригласили. Дальше он может «добавить человека в друзья». После этого любая новость об этом человеке или любой его текст будет приходить к пользователю, при любом заходе на личный почтовый ящик в интернете.

Рядовые пользователи имеют пару сотен друзей, за жизнью которых следят и с которыми общаются с помощью сообщений на данном ресурсе, и из них человек лично знаком с несколькими десятками, а остальных знает только по интернет-общению через данный ресурс.

Популярными пользователями считаются так называемые «тысячники» – люди, которых читает более тысячи человек, а пятёрка самых популярных участников сети имеет более чем по 100 тыс. читателей каждый. На сайтах нет обычно никакого специального подразделения по возрасту, соци-

альному происхождению или интересам. Оно возникает естественным образом, потому что пользователи выбирают себе в друзья людей с похожими интересами и жизненной позицией.

Пользователи, как правило, собираются в тематические сообщества по интересам, что, по сути, тот же механизм «друзей» только не каждый с каждым, а все с одним общим другом – группой или сообществом. Счёт таким сообществам также идёт на миллионы. Некоторые из них кратковременны (возникают и исчезают как в калейдоскопе), а некоторые существуют уже десятки лет.

В целом социальные сети сейчас притягивают большую часть пользователей интернета, далеко опережая по популярности даже информационные ресурсы порнографического содержания в любых формах.

В указанной среде обсуждаются и распространяются политические новости, формируется мнение, утверждается верность или вымышленность каких-то суждений и оценок. Скорость этих процессов столь велика, что традиционные и электронные СМИ утратили приоритет на животрепещущую информацию – в блогах и на форумах всё тоже самое происходит в два-пять раз быстрее и начинает обсуждаться подробнее, с конкретными деталями, что вызывает большую эмоциональную отдачу.

Как правило, интернет обсуждения на 1-2 дня опережают информацию, размещаемую в электронных СМИ, и на 2-4 дня – распространяемую через печатные издания и по телеканалам, в зависимости от актуальности новостей.

Наряду с интернет-СМИ одним из основных способов распространения информации в современном интернете является кросспост (в переводе с англ. "переотправка") – такое явление или действие при котором люди – активные пользователи интернета (кросспостеры), ведущие блог, или пишущие на форумы (информационные сети), копируют целиком текст сообщения, показавшееся им важным и которое они хотят донести своим друзьям. Таким образом, сообщения по действительно животрепещущим темам могут быть неоднократно переданы "из рук в руки" в несколько десятков (сотен) тысяч адресов всего за 1-2 часа.

Сообщения, подвергающиеся кросспосту, не всегда содержат правду, но всегда резонансные по содержанию таковы, в которые аудитория готова поверить.

Internet as a factor affecting the perception of criminal information

Kuntz V.V.

Chelyabinsk state University

The Internet now covers a large number of citizens. His information is trusted both on the local and global levels, which causes mandatory control over the information on the Internet. It is necessary to monitor its content, both in Russia and abroad.

Keywords: the Internet, the criminal information, foreign countries, electronic addresses.

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ

Медов Муса Уматгиреевич

генерал-майор полиции, зам. начальника управления ГУПЭ МВД России

В статье рассматриваются основные причины распространения терроризма в России. Анализируются труды ученых в данной сфере Ю.М. Антоняна, К.Г. Горбунова, И.Б. Линдера, О.М. Нечипоренко, С.Л. Титкова и других. Акцентируется внимание на том, что причины терроризма нужно рассматривать с учетом четырех основных подходов к пониманию данного явления: социологического, цивилизационного, политического и социально-психологического. Указывается на то, что сегодня террористическая деятельность исламистов приобретает черты политико-религиозного конфликта, противоборствующими сторонами которого является развитый, либерально-демократический, модернистский Запад, с одной стороны, и мусульманский мир с другой. А основным вектором терроризма является идеология.

Ключевые слова: терроризм, террор, идеология, террористическая деятельность, террористический акт, террористические организации, причины терроризма.

В ч. 7 ст. 2 ФЗ «О противодействии терроризму» № 35-ФЗ в числе основных принципов противодействия терроризму, указывается на «приоритет мер предупреждения терроризма», реализация которых возможна только за счет познания соответствующих особенностей причин терроризма. Это должно позволить выработать механизм предупреждения и искоренения терроризма как социально-политического явления. Не случайно в ФЗ, одной из форм противодействия терроризму названа деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления по предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма) (п. а, ч. 4 ст. 3).

По мнению К.Г. Горбунова причины терроризма нужно рассматривать с учетом четырех основных подходов к пониманию данного явления: социологического, цивилизационного, политического и социально-психологического. [1, с.31].

Социологический подход, как считает К.Г. Горбунов, связан с выявлением следующих источников агрессии, приводящих к террористической деятельности: отсталость и бедность, которые глобализация не только не исключает, но и усугубляет. Она влияет плодотворно на экономическое развитие стран Запада отрицательно, при этом, сказываясь на состоянии периферийных зон и стимулируя увеличение числа стран четвертого мира. Далее автор приводит данные из доклада ООН «Глобализация с человеческим лицом», свидетельствующие об усиливающемся контрасте между развитыми и развивающимися странами. Согласно докладу, разрыв доходов между пятью богатейшими и пятью беднейшими странами постоянно увеличивается: если в 1960 г. он составлял 30:1, а в 1990-м: 60:1, то в 1997-м – уже 74:1. На долю 19% мирового населения приходится 71% глобальной торговли товарами и услугами. Из 82% мирового экспорта пять богатейших стран вывозят только 1%, а из 74% телефонных сетей они располагают только 1,5% [1, с.31].

Отнесение бедности и неравенства к причинам терроризма в науке часто оспаривается, так как в числе лидеров экстремистских движений немало богатых и образованных людей. Конечно, терроризм не всегда обусловлен бедностью, но она, как правило, нередко играет существенную роль в его идеологии – наряду с унижением, необразованностью, отчуждением, маргинализацией и отсутствием глобальной идентичности при разрушении локальной. Стремление же обрести последнюю, в мире высоких технологий и разрушенной идентич-

ности, принимает уродливые формы, в том числе ведущие к терроризму.

Примером того, что бедность не находится во главе угла причин терроризма, могут служить террористические организации социально-политического типа, такие как – Фракция Красной армии, Красные бригады, Первая линия, Прямое действие и др., большинство членов, которых принадлежит к обеспеченным слоям населения. [2, с.44-45].

К числу причин терроризма И.Б. Линдер, О.М. Нечипоренко, С.Л. Титков относят политические, религиозно-личностные, национальные притязания какой-либо группы людей, какой-нибудь личности или государства, которые могут принимать форму активного протеста в виде террористических актов. Сопутствующим здесь факторам, по их мнению, нередко выступает отсутствие в обществе внимания в отношении них. Таким образом, они пытаются преодолеть комплексы недостаточного, на их взгляд, их самоутверждения в обществе, невосприимчивость идей и взглядов групп в социуме. Именно в такой ситуации группа (партия), как правило, способна перейти от методов пропаганды к террористическим методам борьбы. [1, с.36-37].

Решение о таком переходе, по мнению Ю.М. Антоняна, может быть принято в виду того, что необходимость реализации собственных идей и притязаний приобретает для личности, группы (партии, движения) или государства бытийную значимость. Неудовлетворение их в жизнь, ставит под угрозу или сомнение, социальное существование, заинтересованность в таком претворении, личности (группы, партии), во всяком случае, для нее они будут иметь смысл и не ту ценность или значимость, на которые претендуют или рассчитывают отдельные люди (или группы) [3, с.17].

По мнению Ю.М. Антоняна, к причинам террористической деятельности нужно отнести: политические, идеологические, сепаратические, этнографические, религиозные, психологические, территориальные, географические, социальные, экономические факторы. В.В. Смирнов и Н.Н. Афанасьев добавляют сюда, еще и фактор, касающийся антиконституционных идей (идеологию) лица, группы лиц. Ю.М. Антонян же, не отрицая этого, акцентирует внимание еще и на факторе, определяющемся нерешенностью важных экономических и финансовых вопросов, в том числе и на законодательном уровне; конфликты при разделе собственности; слабую защищенность коммерсантов, финансистов и других деловых моделей со стороны правоохранительных органов. Более категоричны Н.Н. Афанасьев, Г.М. Кипятков, А.А. Спичек, Г.И. Морозов, считающие, что причинами терроризма выступают те же факторы, что определяют рост общеуголовной преступности [2].

В этой связи, представляет интерес информация, полученная С.К. Роциным: На земле 1% населения составляет группу богатейших, которая получает столько же дохода, сколько приходится на 57% населения земли, относящегося к группе

беднейших. Около 1,2 млрд. людей живет менее чем на 1 доллар в день; 2,8 млрд. – менее чем на 2 доллара; более 1 млрд. лиц не имеют доступа к чистой воде; 827 млн. людей страдают от недоедания [5, с.43].

Похожие данные встречаются также у белорусских ученых (например, С.Н. Еникополов) и у части криминологов западных стран. Однако, справедливости ради, следует отметить, что не всегда существует прямая зависимость между угнетением, нищетой и терроризмом. Их усиление не обязательно ведет к росту терроризма, а искоренение – к его исчезновению. «Конечно, терроризм не всегда обусловлен бедностью, но она, как правило, играет центральную роль в его идеологии – наряду с унижением, не образованностью, отчуждением, маргинализацией и отсутствием глобальной идентичности при разрушении локальной. В условиях высокой технологической оснащенности и разрушенной идентичности стремление обрести последнюю вновь принимает уродливые формы, в том числе ведущие к терроризму» [1, с.31].

К традиционным причинам возникновения терроризма, которые встречаются в работах многих террологов, И.Л. Трунов добавляет еще и активную политическую деятельность широких масс населения (или протестная среда) [6, с.67]. В состав традиционных причин возникновения терроризма, прежде всего, входит попытка решения посредством его использования своих проблем частью населения, не имеющего политического опыта, ни возможности разрешения своих социальных проблем другим способом [7, с.34-43].

Действительно, политическая активность большого числа людей нередко может привести к созданию террористических формирований, деятельность которых направлена, прежде всего, на дезорганизацию механизма государственной власти, изменение политического режима, внутренней либо внешней политики и т.д. Вполне обосновано, на наш взгляд, указывать на некоторую схожесть причин возникновения терроризма и организованной преступности, в числе которых пороки культурных, политических и социально-экономических основ организации жизни общества, включающие в себя, в свою очередь: пассивность органов государственной власти, возникновение дефектов политического устройства, политических, идеологических и социальных кризисов, коррумпированность политических лидеров, их неспособность эффективно действовать в сложных условиях и т.д.

Эксперты считают, что сегодня террористическая деятельность исламистов приобретает черты политико-религиозного конфликта, противостоящими сторонами которого является развитый, либерально-демократический, модернистский Запад, с одной стороны, и мусульманский мир с другой. Кроме того, среди исполнителей террористических акций преобладают люди, принявшие ислам, сторонники ваххабизма, получившего распространение во многих странах мира, в том числе и в Европе. Данное обстоятельство имеет особое

значение для России, в связи с развитием ситуации на Северном Кавказе (где до 1968 г. не было ни одной террористической группировки, которая изначально имела бы религиозные мотивы совершения преступлений). Это свидетельствует о заражении в конце XX в. данной территории России экстремистской, религиозной идеологией, распространяемой на ней со стороны отдельных государств Арабского Востока. Спецслужбами был опубликован в печати доклад, из которого следует, что в любой мусульманской общности носителей фундаменталистской идеологии насчитывается до 5%. Из их числа примерно 3% готовы к участию в акциях терроризма.

По мнению Ю.М. Антоняна «терророгенную ситуацию как конфликт цивилизаций можно отнести ко всем террористическим явлениям в современном мире, но ее частные проявления имеют место в отдельных странах, в том числе в России. Однако причины этнорелигиозного терроризма в нашей стране достаточно специфичны. Они определяются тем, что основная масса террористов и основная волна терроризма – с Северного Кавказа, где наибольшее распространение имеет ислам. Но ведь народы Северного Кавказа были покорены Россией только во второй половине XIX в. после многолетних войн, и стереть такое из их памяти невозможно. Поэтому нынешнее северокавказское сопротивление вполне можно считать продолжением той освободительной войны, хотя оно сейчас реализуется совершенно недопустимыми, доцивилизованными способами» [8, с. 31-32].

Идеология – основной вектор терроризма. По мнению П.А. Сельцовского, одним из мотивов терроризма является революционность идей, которые направлены на изменение политической системы [9, с.56-58], некоторые общие особенности демократии, связанные с террором. Наиболее существенным является тот факт, что демократия, откровенно не провоцирует терроризм как особый социально-политический феномен.

Однако, руководствуясь незыблемостью прав и свобод человека, демократия создает столь широкие и многообразные рамки для поведения людей, что именно за счет этого неизбежно возникают очень удобные возможности осуществления террористических актов для уже сформировавшихся террористов [10, с.94]. Кроме того, любая, даже самая совершенная демократия в мире не может обходиться без насилия. Насилие всегда связано с террором.

История показывает, что террор является инструментом социально – политического действия, который может быть применен как государством, так и против него. Причем чем больше используется террор государством, тем меньше остается возможностей для террора против государства. Нередко религиозно-националистические идеи оказываются лишь инструментом захвата политической власти в государстве или регионе. Организаторы таких политических акций криминального характера руководствуются корыстными мотивами, а непосредственные исполнители могут доб-

росовестно заблуждаться в этом и совершать преступления по националистическим или религиозным мотивам. В этом отношении достаточно показательны события, имевшие место, еще недавно, в Чеченской республике.

Без сомнения, Россия сегодня переживает сложный период своей истории, характеризующийся преобразованиями в политической, экономической и социальных сферах. В период кардинальных перемен противоречия в этих сферах приводят к противостоянию в обществе, которое приобретает ярко выраженный конфликтный характер и сопровождается ростом насильственных посягательств, затрагивающих конституционные основы государства, угрозами жизненно важным интересам личности. Среди них особое место занимает терроризм, который распространяется со стороны отдельных государств Арабского Востока и имеет ярко выраженную экстремистскую, религиозную идеологию.

Литература

1. Горбунов К.Г. Терроризм: История и современность. Социально-психологическое исследование. М.: Форум; 2012. С. 31.
2. Рошин С.К., Ениклопов С.Н. Психология терроризма (Круглый стол)// Психологический журнал. Т. 16. 1996. С. 44-45.
3. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит, 2001. С. 17.
4. Антонян Ю.М., Смирнов В.В. Терроризм сегодня. М.: ВНИИ МВД России, 2000. С. 25; Афанасьев Н.Н., Кипятков Г.М., Спичек А.А. Современный терроризм: идеология и практика, М., 1998. С. 39; Морозов Г.И. Терроризм – преступление против человечества (международный терроризм и международные отношения). 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 48.
5. Рошин С.К., Ениклопов С.Н. Психология терроризма (круглый стол) // Психологический журнал. 1996. № 6. С. 43.
6. Трунов И.Л. Комментарий к ст. 20 ФЗ «О борьбе с терроризмом». Борьба с терроризмом касается каждого // Библиотечка Российской газеты. М. 2003. Вып. 12. С. 67.
7. Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма: дисс...док. юрид. наук: 12.00.08. М.: РГБ, 2000. С. 34 – 43.
8. Природа этнорелигиозного терроризма /Ю.М. Антонян, Г.Н. Блокуров, А.К. Боковиков и др.; под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 31- 32.
9. Сельцовский П.А. Современный терроризм: вызовы и ответы в условиях России: дис... канд. полит. наук. М., 2003. С. 56 – 58.
10. Хаминский Я.М. Международные правовые меры противодействия финансированию терроризма: дис...канд. юрид. наук. М., 2003. С. 94.

Main determinants of the spread of terrorism in Russia

Medov M.M.

Ministry of internal Affairs of Russia

In article it is the main causes of the spread of terrorism in Russia. Analyzed works in this field YM Antonyan, KG Gorbunova, IB Linder, OM Nechyporenko, SL Titkova and other scientists. Focuses on the fact that the causes of terrorism should be considered taking into account the four main approaches to the understanding of this phenomenon: the sociological, civilizational, political and socio- psychological . Indicated that the terrorist activities of Islamists today acquires the features of political and religious conflict, warring parties which is

developed, liberal-democratic, contemporary West, on the one hand, and the Muslim world on the other. And terrorism is the main vector of ideology.

Key words: terrorism, terror, ideology, terrorist activities, terrorist acts, terrorist organizations, the causes of terrorism.

References

1. Gorbunov K.G. Terrorism: History and Modernity. Socio-psychological research. M.: Forum; 2012.S. 31.
2. Roshchin S.K., Enikopolov S.N. Psychology of Terrorism (Round Table) // Psychological Journal. T. 16. 1996. S. 44-45.
3. Antonyan Yu.M. Terrorism. Criminological and criminal law research. M.: Shield, 2001.S. 17.
4. Antonyan Yu.M., Smirnov V.V. Terrorism today. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000.S. 25; Afanasyev N.N., Kipyatkov G.M., Spichek A.A. Modern terrorism: ideology and practice, M., 1998. S. 39; G.I. Morozov Terrorism is a crime against humanity (international terrorism and international relations). 2nd ed., Rev. and add. M., 2001.S. 48.
5. Roshchin S.K., Enikopolov S.N. Psychology of terrorism (round table) // Psychological journal. 1996. No. 6. P. 43.
6. Trunov I.L. Commentary on Art. 20 FZ "On the fight against terrorism". The fight against terrorism concerns everyone // Library of the Russian newspaper. M. 2003. Issue. 12, p. 67.
7. Salimov K.N. Modern problems of terrorism: diss ... doc. jurid. Sciences: 12.00.08. Moscow: RSL, 2000.S. 34 - 43.
8. The nature of ethno-religious terrorism / Yu.M. Antonyan, G.N. Blokurov, A.K. Bokovikov and others; ed. Yu.M. Antonyan. M.: Aspect Press, 2008.S. 31-32.
9. Seltsovsky P.A. Modern terrorism: challenges and responses in the conditions of Russia: dis ... cand. polit. sciences. M., 2003.S. 56 - 58.
10. Khaminsky Ya.M. International legal measures to counter the financing of terrorism: dis ... cand. jurid. sciences. M., 2003.S. 94.

ПРОБЛЕМА КОНТРАБАНДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Брынза Наталья Георгиевна

студентка юридического факультета Российского Университета Кооперации

В данной статье рассматривается проблема контрабанды в Российской Федерации, как угроза национальной безопасности. Выделен ряд особенностей контрабандной деятельности. Акцентируется особое внимание на рассмотрение эффективности по борьбе с контрабандой.

Ключевые слова: контрабанда, угроза безопасности, ввоз, вывоз, незаконное пересечение

Борьба с российской контрабандой на сегодняшнем этапе, выходит на первый план. На протяжении нескольких лет в России говорят о борьбе с контрабандой, но на сегодняшний день можно смело говорить, что данная ситуация приобрела новые обороты.

Для того, чтобы настоящее и будущее государства находилось в безопасности, нужно выделить принципиально важное место борьбе с контрабандой, в частности, систему реализации и государственных интересах.

Главная задача исследования заключается в проведение анализа законодательства о борьбе с контрабандой, при совершении пересечении границы между суверенными государствами. Данное деяние является уголовно наказуемое[1;2].

Целью исследования данной статьи является изучение проблем, которые возникают при раскрытии, расследовании и предупреждении о преступлении, непосредственно связанных с совершением контрабанды.

Официальная преступная статистика в области контрабанды, не полностью представлена в реальную жизненную картину, которую мы видим в настоящее время.

Факты о контрабанде в настоящих условиях, фиксируются не только в районах или портовых городах, непосредственно прилегающих к государственной границе, а еще и в тех городах, где находятся самые крупные железнодорожные станции, международные аэропорты и оптовые рынки.

Контрабанда выражается в ввозе/вывозе запрещенных товаров (продуктов) и иных запрещенных материальных благ (предметов), тем самым нарушая правила, установленные государством Российской Федерации.

Эти действия ведут к разрушению основных институтов, систем общества и ведущих стран.

Перечень запрещенных товаров и материальных благ, которых вывозят из России в другие соседние страны:

- энергоресурсы;
- стратегическое сырье и материалы;
- цветные металлы;
- оружие и боеприпасы российского производства;
- медикаменты (лекарственные средства);
- антиквариат;
- древесина;
- морепродукты.

Перечень запрещенных товаров и материальных благ, которых ввозят в страну:

- алкогольные напитки;

- табачные изделия;
- автомобили;
- оружие;
- боеприпасы и взрывчатые вещества иностранного производства;
- наркотики;
- Наркосодержащие сырье и другие товары широкого требования.

Контрабандная деятельность в Российской Федерации имеет ряд особенностей.

Первая особенность – социально-географическая. Российская Федерация граничит с 16 государствами, из которых не все границы оформлены в международно-правовом отношении и не оборудованы в инженерном отношении, тем самым контроль и оформление транспортных средств, товаров и людей, осуществляются не качественно.

Вторая особенность – социально-экономическая. Из-за экономического кризиса и социальной нестабильности, соседние страны (государства) используют ситуацию в России, для решения своих национальных задач. Из России в соседние страны вывозят огромные объемы сырьевых источников, природных богатств, такие как: металл, нефть, газ, лес, рыбопродукты и др.

На современном этапе следует отметить следующие тенденции контрабандной деятельности:

- стремление преступных составляющих овладеть контролем над объектами государственного раздела экономики;
- структура международной и российской мафии, тесно взаимосвязаны;
- международная организация преступности, активно занимается деятельностью в сфере наркобизнеса, незаконного оборота через границу оружия и боеприпасов;
- возникновение нового вида контрабандного товара – людей, собственно, что ведет к повышению потоком незаконной иммиграции третьих лиц через территорию России.

Методы по борьбе с контрабандой подразделяются на: экономические, организационные, контрольно-технические, информационные и специальные.

Экономические методы направлены на понижение хозяйственной эффективности контрабандных операций и уменьшение прибыльности нелегальных экспортно-импортных операций. К примеру, в случае если разница в ценах на бензин или же на сигареты в соседних странах значительна, то это мотивирует приграничное население к контрабандным деяниям. В случае если разница в ценах уменьшается за счёт понижения акцизов в одной стране и увеличения цен в другой стране, то с финансовой точки зрения контрабанда утрачивает значение.

Организационные методы, чаще всего, основаны на лицензировании членов внешнеэкономической деятельности для производства, ввоза, вывоза, переработки оптовой и розничной торговли. Также используется система квотирования, когда

любая личность, пересекающая таможенную границу, имеет возможность провозить лишь заранее ограниченный набор товаров. Для того, чтобы пересечь таможенную границу, используется система квотирования, исходя из этого каждое лицо, может провозить лишь заранее ограниченный набор товаров. Это может касаться и таможенного контроля интернет торговли, когда посылки адресатам не могут превышать предельного веса, или предельной стоимости.

Контрольно-технические методы направлены на выявление контрабанды с помощью специальной маркировки, упаковки, технического оборудования, систем связи и слежения за перемещением товарных потоков и сопроводительной документации.

Информационные методы фокусируются на обеспечении таможенных органов и других участников внешнеэкономической деятельности достоверной и оперативной информацией о перемещаемых через границу товарах, о грузоотправителях и грузополучателях, о наличии необходимых важных сертификатов качества и лицензий, банковских и таможенных документов.

Специальные методы представляют собой мероприятия агентурного и оперативно-розыскного характера, предупреждения и выявления контрабанды на стадиях планирования и непосредственного осуществления

Контрабанда в жизни российского общества достаточно известное явление. Собственно, борьба с контрабандой всякий раз считается государственным делом. Вследствие этого государство и таможенные органы используют всевозможные методы по борьбе с таможенными преступлениями. Защитой экономической безопасности государства занимаются таможенные органы Российской Федерации, тем самым осуществляют правоохранительную деятельность.

В системе правоохранительных органов Российской Федерации, осуществляющих защиту финансовых интересов и финансовой защищенности страны, особое пространство занимают таможенные органы Российской Федерации.

На них возложено осуществление таможенного дела, под которым понимается «совокупность методов и средств обеспечения соблюдения мер таможенно-тарифного регулирования и запретов и ограничений, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственном регулировании внешнеторговой деятельности, связанных с перемещением товаров и транспортных средств через таможенную границу».

Существуют две группы целей осуществления таможенной политики и борьбы с контрабандой: экономические и правоохранительные.

Экономические цели таможенной деятельности связаны с осуществлением фискальной и регулятивной функций таможенного дела. Фискальная функция ориентирована на пополнение прибыльной части государственного бюджета за счет взимания таможенных платежей (пошлин, налогов,

сборов и т.д.). Регулятивная (протекционистская) функция призвана посредством установления таможенных тарифов, запретов, ограничений, лицензирования, квотирования стимулировать развитие государственной экономики, отстаивать отечественный рынок, обеспечивать привлечение иностранных инвестиций и т.д.

Правоохранительные цели ориентированы на обеспечение защищенности государства (защиту безопасности страны, социального порядка, нравственности населения, жизни и здоровья народа), службу охраны животных и растений, окружающей природной среды; на защиту интересов российских покупателей ввозимых товаров; пересечения нелегального оборота наркотических средств, оружия, предметов художественного, исторического и археологического достояния и др.

Правоохранительные подразделения проводят специальные операции, оперативно-розыскные мероприятия, с целью выявления и пресечения фактов нелегального перемещения через таможенную границу России предметов культурной ценности, наркотических средств, оружия и боеприпасов[3].

Особое внимание оперативно-розыскных подразделений при экспорте-импорте сконцентрировано на выявлении и пресечении возможных каналов нелегального перемещения товаров, борьбе с недостоверным декларированием и контрабандой, преступлениями в кредитно-финансовой сфере. В основном, сегодня криминалитет пытается нелегально перемещать через российские границы энергоресурсы, автомобили, товары народного потребления, электротехнику и стройматериалы.

Операция под названием «контролируемая поставка» считается наиболее эффективным среди оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и пресечению каналов контрабанды наркотиков.

Таможенные органы организовали и провели 56 «контролируемых поставок» международного и межрегионального уровня, в результате которых изъяли 350 килограммов наркотиков, а также задержали членов преступных группировок. Высокий уровень наркотизации общества продолжает представлять прямую угрозу национальной безопасности страны.

В 2018 году в Костромской области выявлено 728 преступлений, что на 13,6% меньше, чем в 2017 году. При этом факты нелегального сбыта наркотиков сократились незначительно на 5,4% Удельный вес наркопреступлений в общей структуре преступности составляет 9%.

К уголовной ответственности за совершении наркопреступлений привлечено 278 граждан.

Криминологическая характеристика преступлений данного вида такова: в основном преступления совершаются лица мужского пола;

криминогенно возрастная группа наиболее активна от 30 до 39 лет – 130 преступлений; на втором месте от 18 до 29 – 108 преступлений.

Как правило, лица без постоянного источника доходов, совершают преступления такого рода –

64,4%, ранее совершавшие преступления – 70,5%, в том числе 33,4% – наркопреступления. Практика проведения специальных целевых и комплексных международных и межведомственных операций была продолжена в 2005 году.

Специальные операции под кодовыми названиями «Апрельский марш», «Мак», «Поезд», а также «Канал-2005» считаются в числе наиболее результативных и масштабных. Были проведены 13 подобных операции таможенными органами во взаимодействии с российскими и зарубежными коллегами, в рамках которых совместными усилиями из нелегального оборота было изъято около 3 тонн наркотиков. В ходе специальных мероприятий таможенными органами изъято 67 единиц оружия, 6237 патронов, 21 кг взрывчатых веществ. По выявленным фактам возбуждено 83 уголовных дела и 62 дела об административных правонарушениях.

Проблема морских биоресурсов существует в дальневосточном регионе. Ежегодно из России уходит Огромное количество биоресурсов без соответствующего таможенного оформления.

В первом полугодии 2005 года на территории России, согласно статистическим данным, только одного кальмара вывезли больше на 34 600%, чем за аналогичный период 2004 года. В реальности же под видом кальмара, который беспощинно экспортировался, вывозили совсем другой товар: возможно гребешок, краб и так далее. По закону после вылова биоресурсов в море судно обязано вернуться в российский порт, пройти таможенное оформление, а затем уже отправляться за границу. Но кто же добровольно будет делать «крюк» в сотни километров? Кроме того, существует еще нелегальный способ перегрузки выловленных биоресурсов с судна на судно прямо в открытом море.

Одна из актуальных проблем нелегального вывоза, является вывоз леса – это один из самых криминогенных товаров. Один из ведущих мировых производителей и экспортеров леса и лесоматериалов является Россия. Вывоз лесной продукции за рубежом с нарушениями законодательства, приводит к ущербу не только бюджету страны, но и экологической безопасности России. Таможенные службы России не могут учитывать объемы вывозимого леса, так как в настоящее время нет для этого методик, тем самым это является одной из ведущих проблем.

В первом квартале 2019 года возбуждено 18 уголовных дел на общую сумму 712,5 млн. рублей. Лесоматериалы ценных пород дуба монгольского и ясеня маньчжурского, более 16 тысяч кубометров, вывозились в Китай по подложным документам. Семь уголовных дел возбуждено по контрабанде более 129 тысяч тонн водных биоресурсов стоимостью почти 74 млн. рублей. В шести случаях предметом преступления были 106,5 тонн живого краба на общую сумму 72 млн. рублей, экспортированного в Китай и Японию по заниженной стоимости. Также пресечена попытка незаконного вы-

воза в Китай 23 тонн пресноводной рыбы на сумму 2 млн. рублей.

Серьезную угрозу национальной безопасности России за последнее десятилетие представляет увеличение потоков нелегальной иммиграции граждан третьих стран через территорию России. Иногда данную проблему называют проблемой «контрабандных людей».

В настоящее время по различным оценкам в России находится от 500 до 2,6 млн. иностранных граждан и лиц без гражданства, большинство из которых проживают нелегально. Основными направлениями потоков незаконной миграции являются:

- на въезд в Российскую Федерацию – российско-китайский, российско-азербайджанский, российско-грузинский и российско-казахстанский участки государственной границы, а также воздушные пункты пропуска г. Москвы и г. Санкт-Петербурга;
- на выезд из Российской Федерации – российско-финляндская граница, граница с государствами Балтии и Польши, российско-украинская граница, воздушные пункты пропуска г. Москвы и г. Санкт-Петербурга.

Перспективной задачей по борьбе с контрабандой является оборудование международных транспортных узлов современными инспекционно-досмотровыми комплексами, позволяющие в течение 5 минут без вскрытия и разгрузки транспортных средств обнаружить запрещенные к перевозке документы. С помощью таких комплексов таможенник в течение нескольких секунд сможет увидеть содержимое контейнера или транспортного средства, что очень важно как с точки зрения борьбы с контрабандой и терроризмом, так и с точки зрения ускорения прохождения границы.

Исходя из данного исследования можно сделать вывод, что угрозы финансовым интересам и национальной безопасности Российской Федерации, отталкивающиеся от контрабандной деятельностью, настоятельно требуют увеличения эффективности государственной таможенной политики и оптимизации деятельности государственных органов в борьбе с контрабандой.

Например, очень сложно доказать контрабанду наркотиков. Как правило, контрабанду берут на нашей территории уже внутри страны, на внутренней таможене. Возбудить уголовное дело по статье 228 таможенники не имеют права, этим должны заниматься полиция, либо органы ФСКН. Очевидно, что по таким преступлениям, требуется необходимость альтернативной компетенции.

Кроме того, соответствующим структурам по борьбе с контрабандой не хватает сегодня еще и следствия – они работают только в пределах дознания и после установленного законом срока

обязаны передать дело в прокуратуру, а там уже определяется, какому органу отправлять его на доследование. Нужно, чтобы именно следователи-таможенники доводили каждое дело до конца. Это объясняется спецификой таможенных правонарушений и уровнем совершения преступлений, разобратся в которых может только специалист из таможи.

Защита национальных интересов в таможенном пространстве страны должна предусматривать осуществление комплекса политических, экономических, оперативных, военных, режимных, правовых, административных, пограничных, природоохранных, социальных и иных мер государства, государственных таможенных органов России по выявлению, предупреждению и парированию угроз национальной безопасности России, противодействию контрабанде.

Литература

1. Об Основах таможенных законодательств государств – участников Содружества Независимых Государств: Решение Совета глав государств СНГ от 10.02.1995. [электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru>

2. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 03.08.2018г. N 289-ФЗ (ред. от 28.11.2018) [электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru>

3. Никонович С.Л. К вопросу о криминалистической характеристике контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов – драгоценных металлов и драгоценных камней // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 5. – С. 217 – 219

The problem of smuggling in the Russian Federation as a threat to national security Brynza N.G.

Russian University of Cooperation

This article deals with the problem of smuggling in the Russian Federation as a threat to national security. A number of features of smuggling activity are allocated. Special attention is paid to the consideration of the effectiveness of the fight against smuggling.

Key words: smuggling, security threat, import, export, illegal crossing

References

1. On the Fundamentals of Customs Legislation of the Member States of the Commonwealth of Independent States: Decision of the Council of CIS Heads of State of 10.02.1995. [electronic resource]: URL: <http://www.consultant.ru>
2. On customs regulation in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 03.08.2018. N 289-FZ (as amended on 28.11.2018) [electronic resource]: URL: <http://www.consultant.ru>
3. Nikonovich S.L. On the question of the forensic characterization of the smuggling of strategically important goods and resources - precious metals and precious stones // Gaps in Russian legislation. - 2013. - No. 5. - P. 217 - 219

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВИДЫ НАКАЗАНИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, В РЕЗУЛЬТАТЕ КОТОРЫХ ПРИЧИНЕН КРУПНЫЙ УЩЕРБ ИЛИ ТЯЖКИЙ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ ЧЕЛОВЕКА

Горичева Власта Леонидовна

кандидат юридических наук, доцент, директор института права и экономики, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

Развитие автомобильного транспорта в мире усложняет обеспечение порядка и безопасности движения. Уголовный кодекс РФ, устанавливающий ответственность за транспортные преступления в полной мере не реализует поставленные перед ним задачи. В статье автором рассматриваются возможные альтернативные виды наказаний, которые могут быть применены на завершение транспортных преступлений, в результате которых причинен крупный ущерб или тяжкий вред здоровью человека.

Ключевые слова: транспортные преступления, альтернативные виды наказаний, уголовный кодекс, крупный ущерб, тяжкий вред.

Наибольшее количество альтернативных наказаний установлено в уголовно-правовых нормах об ответственности именно за транспортные преступления с такими последствиями. В качестве альтернативных наказаний в соответствующих частях норм главы 27 УК выступают штраф, ограничение свободы, принудительные работы и реж, арест. Казалось бы, набор альтернативных наказаний в данных нормах оптимальный и какому-либо расширению не подлежит. Однако не все так однозначно. Во-первых, не все из перечисленных видов альтернативных наказаний встречаются в санкции каждой из соответствующих уголовно-правовых норм. Так, например, в санкции части 1 статьи 264, части 1 статьи 268 и части 1 статьи 269 отсутствует такой вид альтернативного наказания, как штраф.

Данное отсутствие, на наш взгляд, представляется не вполне логичным с учетом того, что, как нами указывалось ранее, преступные деяния, закрепленные в данных статьях, по своей общественной опасности находятся на том же уровне, что и деяния, предусмотренные частью 1 статьи 263, частью 1 статьи 266 и частью первой статьи 267, в санкциях которых наказание в виде штрафа законодательно закреплено. Исходя из этого, нам представляется необходимым закрепить такой вид наказания, как штраф и в санкциях первых частей статей 264, 268 и 269 УК, причем в размерах, аналогичных размерам штрафа в санкциях статей 263, 266, 267 УК.

Другими видами альтернативных наказаний, нашедшими свое закрепление не во всех соответствующих частях рассматриваемых статей, являются ограничение свободы и арест. Так, ограничение свободы отсутствует в санкции части 1 статьи 267 УК РФ. Во многом это объясняется стремлением законодателя соблюсти принцип эквивалентности наказаний в санкции одной уголовно-правовой нормы. В случае закрепления в санкции части 1 рассматриваемой статьи наказания в виде ограничения свободы (максимальный срок которого составляет четыре года) образовалась бы неоправданно большая разница между предельным сроком назначения ограничения свободы и лишения свободы (максимальный срок которого в части 1 статьи 267 УК составляет 4 года). В данном случае такая разница составила бы 2 года, если рассчитывать ее исходя из правил замены ограничения свободы лишением свободы, предусмотрен-

ных частью 5 статьи 53 УК. Однако, как нами уже был сделан вывод ранее, законодатель в процессе криминализации и пенализации деяния, предусмотренного статьей 267 УК, неоправданно завысил степень общественной опасности данного деяния и соответственно пределы его наказуемости.

Поэтому, по уже высказанному нами мнению, необходимо привести наказания, указанные в санкции статьи 267 УК в соответствие с санкциями иных статей главы 27 УК о неосторожных транспортных преступлениях (статьями 264, 266, 268 и др.) путем снижения максимальных сроков данных наказаний до уровня, указанного в санкциях иных статей главы 27 УК, устанавливающих ответственность за неосторожные транспортные преступления с аналогичными вредными последствиями. В этом случае станет вполне возможным дополнить санкцию части статьи 267 УК альтернативным наказанием в виде ограничения свободы на срок до трех лет [3, с. 521].

Что касается ареста как вида альтернативного наказания, то по уже вышеназванным причинам его необходимо включить в санкцию части 1 статьи 267 УК наряду с ограничением свободы. При этом на наш взгляд, было бы вполне целесообразным понизить верхний предел данного альтернативного наказания в соответствующих частях статей 263, 264, 266 и 269 до уровня 4 месяцев, как это осуществлено законодателем в части 1 статьи 268 УК. По нашему убеждению, транспортные преступления, повлекшие за собой последствия в виде крупного ущерба либо тяжкого вреда здоровью, не являются настолько общественно опасными, что за них следует приговаривать осужденного к максимальному сроку ареста.

Кроме того, такое снижение верхнего предела рассматриваемого вида альтернативного наказания за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших по неосторожности крупный ущерб либо тяжкий вред здоровью потерпевшего, позволило бы в дальнейшем закрепить арест на срок от 4 до 6 месяцев как вид альтернативного наказания в санкциях соответствующих частей названных выше статей, устанавливающих ответственность за рассматриваемые деяния, последствиями которых является смерть человека [1, с. 285].

Конечно, можно высказать и определенные сомнения насчет указанного выше снижения максимального предела ареста до 4 месяцев. В основном такие сомнения возникают, если сравнить санкцию части 1 статьи 118 УК «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности» (общая норма) и измененные указанным выше образом санкции соответствующих частей статей о транспортных преступлениях, устанавливающих ответственность за причинение по неосторожности аналогичного вреда (являющихся специальными нормами по отношению к статье 118 УК). В случае снижения предельного срока ареста до 4 месяцев в нормах о транспортных преступлениях получится, что простое некавалифицированное причинение тяжкого вреда здоровью человека будет наказываться

строже, чем более общественно опасное причинение такого же вреда в результате посягательства на безопасность движения и эксплуатации транспорта. Однако возникновение такой ситуации допускать нельзя, поскольку это может создать возможность назначения несправедливого наказания. Впрочем, по нашему мнению, в настоящее время нет никаких препятствий для того, чтобы снизить предельный срок ареста (хотя бы до тех же 4 месяцев) и в части 1 статьи 118 УК. Это тем более возможно, если учесть тот факт, что некоторые виды альтернативных наказаний, содержащиеся в статье 118 УК и соответствующих частях статей 264, 266, 268, 269 по своим максимальным срокам абсолютно идентичны (например, и там, и там в качестве наказания закреплено наказание в виде ограничения свободы на срок до трех лет).

Во-вторых, как уже отмечалось нами ранее, размеры альтернативных наказаний в санкциях рассматриваемых норм не всегда до конца согласованы между собой. Подробно об этом мы говорили в первом параграфе данной главы, поэтому здесь лишь приведем примеры данной несогласованности и пути их преодоления. К примерам указанной несогласованности можно отнести:

1) завышение предельного срока ограничения свободы в части 1 статьи 263 по сравнению с частью 1 статьи 264, частью 1 статьи 266, частью 1 статьи 268, частью 1 статьи 269 УК;

2) завышение в два раза предельного срока принудительных работ в части 1 статьи 267 по сравнению с частью 1 статьи 263, частью 1 статьи 264, частью 1 статьи 266, частью 1 статьи 268, частью 1 статьи 269 УК.

Способом преодоления несогласованности санкций указанных норм между собой является, как мы уже отмечали, внесение изменений в статьи 263 и 267 УК, в результате которых верхний предел ограничения свободы в части 1 статьи 263 и максимальный срок принудительных работ в части 1 статьи 267 будут понижены до уровня, установленного в санкциях соответствующих частей статей 264, 266, 268, 269 УК.

И наконец, нам кажется возможным дополнить перечень альтернативных наказаний в рассматриваемых нормах таким видом наказания, как исправительные работы на срок до двух лет. С одной стороны, включение в санкции рассматриваемых статей указанного вида наказания заполнит «пропасть» между штрафом и ограничением свободы и сделает более плавным переход от менее тяжкого наказания к более тяжкому. С другой стороны, исправительные работы, как и другие виды альтернативных наказаний, позволят добиться еще большей индивидуализации наказания и соответственно назначения более справедливого его вида.

В пользу возможности включения исправительных работ в санкции рассматриваемых норм о неосторожных транспортных преступлениях можно привести несколько аргументов. Во-первых, такой вид наказания как исправительные работы преду-

смотрен и в санкции статьи 118 УК, устанавливающей ответственность за простое некавалифицированное причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности. Во-вторых, исправительные работы, если исходить из системы наказаний, закрепленной в статье 44 УК, являются более тяжким видом наказания, чем штраф, который уже закреплен в санкциях рассматриваемых норм. И наконец, еще одним аргументом в пользу включения исправительных работ в санкции рассматриваемых статей является тот факт, что разница предельных сроков исправительных работ (2 года) и лишения свободы при их сравнении по правилам эквивалентности, указанным в статье 50 УК, оказывается не слишком значительной и составляет чуть более года.

Говоря о необходимости включения исправительных работ в санкции соответствующих частей статей главы 27 УК, предусматривающих ответственность за неосторожные транспортные преступления с последствиями в виде крупного ущерба либо причинения тяжкого вреда здоровью человека, мы в тоже время полагаем, что не стоит включать в санкции этих норм такой вид альтернативного наказания, как обязательные работы. В противном случае у правоприменителей возникнет ничем не обоснованная возможность для неоправданного занижения наказания за совершение неосторожных посягательств на безопасность движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших причинение крупного ущерба либо тяжкого вреда здоровью потерпевшего [2, с. 63].

Таким образом, наиболее подходящими видами альтернативных наказаний за совершение транспортных преступлений, повлекших причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью либо крупного ущерба, будут являться: 1) штраф в размере от до 500 000 рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет; 2) исправительные работы на срок до 2 лет; 3) ограничение свободы на срок до 3 лет; 4) принудительные работы на срок до 2 лет; 5) арест на срок до 4 месяцев.

Литература

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Дубовик О. Л. и др. ; отв. ред. А. Э. Жалинский; Гос. ун-т Высш. шк. экономики, Ин-т государства и права Рос. акад. наук. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Городец, 2010. 1111 с.
2. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. – СПб: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 178 с.
3. Семенихин В.В. Ответственность организаций и их руководителей. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ГроссМедиа: Российский бухгалтер, 2015. 1026 с.
4. Уголовно-исполнительное право. Практикум / Бурега Н.Н., Бугера М.А., Канубриков В.А. и др. Тамбов, 2015.

Alternative types of punishments applied for the commission of transport crimes, as a result of which large damage or serious harm to human health was caused

Goricheva V.L.

Yelets state University they. I. A. Bunin Yelets

Abstract: Development of the motor transport in the world complicates providing an order and traffic safety. The criminal code of the Russian Federation establishing responsibility for transport crimes fully doesn't implement the tasks set for it. In article possible alternative types of punishments which can be applied on completion of transport crimes as a result of which the large damage or heavy harm to health of the person is done are considered by the author.

Keywords: transport crimes, alternative types of punishments, criminal code, large damage, heavy harm.

References

1. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / O. L. Dubovik and others; отв. ed. A. E. Zhalinsky; State un-t Higher. shk. Economics, Institute of State and Law Ros. acad. sciences. - 3rd ed., Rev. and add. - M.: Gorodets, 2010.1111 p.
2. Lopashenko N.A. Fundamentals of Criminal Law Impact. - St. Petersburg: R. Aslanov's Publishing House "Legal Center Press", 2004. 178 p.
3. Semениkhin V.V. The responsibility of organizations and their leaders. - 3rd ed., Rev. and add. - M. : GrossMedia: Russian accountant, 2015.1026 p.
4. Penal law. Workshop / Burega N.N., Bугera M.A., Kanubrikov V.A. et al. Tambov, 2015.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕРОПРИЯТИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Деревягин Евгений Викторович,
ст. преподаватель кафедры криминалистики ФКГОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»

В статье рассматриваются основные направления повышения эффективности мероприятий, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации. Приводятся сведения о состоянии и динамике дорожно-транспортных происшествий, о результатах реализации федеральной целевой программы по повышению безопасности дорожного движения. Уделено внимание перечню мер, направленных на профилактику дорожно-транспортных происшествий. Ключевые слова: безопасность дорожного движения; дорожно-транспортное происшествие; федеральная целевая программа по повышению безопасности дорожного движения; стратегия безопасности дорожного движения.

Одним из важнейших национальных приоритетов Российской Федерации является защита граждан от различных угроз. По мнению специалистов, защита прав и свобод личности, обеспечения законности и правопорядка является одной из ключевых внутренних функций государства [1, с. 64].

За последнее десятилетие количество автомашин, находящихся в пользовании граждан и организаций, увеличилось в 2,5 раза. Количественный рост сопровождается увеличением травматизма. Так, на 100 тыс. жителей в дорожно-транспортных происшествиях в России гибнет почти в 5 раз больше человек, чем в Нидерландах, и в 2 раза больше, чем в Чехии, уровень автомобилизации в которой почти в 2 раза выше российского [2].

Исследователи отмечают, что «в полном объеме реализуемая государством политика, направленная на обеспечение безопасности дорожного движения, не смогла коренным образом изменить криминогенную обстановку в данной сфере» [3].

Деятельность по обеспечению безопасности дорожного движения базируется на решениях органов государственной власти, в соответствии с которыми безопасность дорожного движения определяется как важная государственная задача, поскольку речь идет о сохранении жизни и здоровья граждан страны, фактически о повышении качества жизни. В связи с этим необходимо привлечение усилий органов государственной власти как федеральных, так и субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных институтов, субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Максимальных результатов в этой сфере можно добиться лишь при наличии слаженной системы, всесторонне обеспечивающей работу различных служб и ведомств – координационной, аналитической, правовой, технической [4]. Это позволит обеспечить целостный (системный) подход к решению проблемы дорожно-транспортного травматизма. Протяженность транспортной системы России составляет более 903 тыс. км автомобильных дорог общего пользования (в том числе 711 тыс. км дорог с твердым покрытием) [5].

Важным фактором обеспечения устойчивого социально-экономического и демографического развития страны и одним из приоритетных направлений государственной политики, направленной на сохранение жизни и здоровья граждан является повышение безопасности дорожного движения.

Говоря об обеспечении безопасности дорожного движения в нашей стране, следует отметить, что федеральной и региональными властями проводится значительная работа в этом направлении.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2017 году отметил: «Важно добиваться последовательного сокращения количества дорожно-транспортных происшествий и смертности на дорогах, а для этого внедрять новые технологии безопасности, применять современные средства фиксации нарушений... Хамство на дорогах, создание угрозы для жизни людей должны пресекаться не только силой закона – здесь важна принципиальная позиция всего общества» [6].

Правительством Российской Федерации разработана и реализуется федеральная целевая программа по повышению безопасности дорожного движения, первый этап которой (2006 – 2012 годы) уже прошел. В ходе его реализации основной акцент был сделан на таких важных направлениях, как профилактика опасного поведения различных участников дорожного движения, профилактика травматизма среди детей и подростков, развитие и совершенствование системы оказания помощи участникам дорожного движения, пострадавшим в результате дорожно-транспортных происшествий, повышение безопасности пешеходов, совершенствование дорожной инфраструктуры. Активизирована работа по принятию мер, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения на региональном и муниципальном уровнях. Во всех субъектах Российской Федерации и большинстве муниципальных образований были приняты и реализовывались соответствующие подпрограммы. Второй этап осуществляется с 2013 по 2020 годы [7].

Наиболее перспективные направления повышения эффективности мероприятий, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения продолжают обсуждаться среди ученых. Ряд заслуживающих внимания специальных мер, направленных на профилактику дорожно-транспортной преступности в России, предлагает Е.О Ефимова, среди которых совершенствование дорожного строительства, установка интерактивных систем пешеходных переходов, внедрение новых разработок в сфере графических технологий, внедрение автоматической системы предотвращения дорожно-транспортных происшествий [8; 12].

При подготовке статьи стало известно, что Правительством Российской Федерации подготовлена и утверждена Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018 – 2024 годы (далее – Стратегия) [9; 10; 11]. Отмечено, что дорожно-транспортные происшествия наносят колоссальный экономический, демографический, социальный урон. Ежегодные потери страны в экономике составляют не менее 2 процентов валового внутреннего продукта. К примеру, это сопоставимо с валовым региональным продук-

том таких субъектов Российской Федерации, как Республика Татарстан или Краснодарский край.

Следует несколько слов сказать об основных причинах происшествий, в том числе упомянутых в Стратегии. К ним относятся:

- неудовлетворительное состояние автомобильных дорог;
- отсутствие или несоответствие предъявляемым требованиям дорожной инфраструктуры;
- управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения;
- управление автомобилем водителем, относящимся к «группе риска», т.е. имеющими опыт управления менее 2 лет;
- несоблюдения правил дорожного движения пешеходами;
- превышение скоростного режима, иные нарушения правил дорожного движения на автомагистралях, в том числе платных, автодорогах федерального значения;
- техническая неисправность автотранспортных средств, имеющих длительный период эксплуатации.

Таким образом, исходя из анализа причин автотранспортных происшествий, учитывая современные экономические, технологические, информационные возможности, следует выделить ряд мер, направленных на повышение уровня безопасности дорожного движения. Среди них, отметим:

1. Совершенствование дорожно-транспортной инфраструктуры, качественное улучшение состояния дорожного покрытия, в том числе за счет использования современных технологий. Установка на наиболее аварийных участках дорожных знаков, ограничивающих скорость движения транспортных средств, светофоров, предупреждающих знаков, средств фото-видеофиксации;

2. Комплексная модернизация управления движением по автомобильным дорогам, в городах и иных населенных пунктах, с применением электронных технологий;

3. Проведение профилактической работы с водителями и пешеходами, в том числе с использованием средств массовой коммуникации, интернет, телевидения о недопустимости управления автотранспортным средством в состоянии опьянения, агрессивного стиля вождения, формирование негативного образа нарушителя правил дорожного движения в общественном сознании;

4. Обеспечение большей безопасности пешеходов, в том числе детей за счет обустройства безопасных подземных и надземных переходов;

5. Совершенствование механизма допуска лиц к управлению транспортными средствами после окончания обучения в автошколах. Обеспечение плавной адаптации к движению в транспортных потоках, установление периода ограничения максимальной скорости движения транспортных средств под их управлением;

6. Разработка программ по стимулированию приобретения новых автомобилей юридическими лицами и гражданами.

В завершение следует сказать о нарушениях водителями правил дорожного движения и эксплуатации автотранспорта, принадлежащего организациям и индивидуальным предпринимателям в сфере пассажирских перевозок, поскольку в последние 5 лет прослеживается тенденция роста количества происшествий с их участием. Мерами по снижению аварийности по этому направлению могли бы быть усиление контроля за передвижением автотранспортных средств, временем нахождением в пути и соблюдением режима труда и отдыха водителями не только с использованием оборудования, установленного в этом транспортном средстве, но и более эффективного использования системы "ЭРА-ГЛОНАСС".

Литература

1. Теория государства и права: учебно-методическое пособие / С.Л. Никонович, И.Г. Шауро, А.В. Бочаров. – Тамбов-Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2015. 277 с.
2. Федеральная целевая программа "Повышение безопасности дорожного движения в 2013 – 2020 годах": утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 октября 2013 г. N 864 // Собрание законодательства РФ. 2013. N 41. Ст. 5183.
3. Ромашихин И.В. Перспективы правового регулирования безопасности дорожного движения // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3. С. 103.
4. Працко Г.С. Конституционно-правовые основы национальной безопасности России: современное состояние и перспективы расширения / Працко Г.С., Мелихов А.И., Деревягин Е.В. // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 4 (39).
5. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 года № 1734-р [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
6. Щит и меч. Еженедельная общественно-правовая газета. 2017. № 9 (1553). 16 марта.
7. О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2006 – 2012 годах»: Постановление Правительства РФ от 20.02.2006 г. № 100. // Собрание законодательства РФ. 2006. № 9. Ст. 1020; Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013 – 2020 годах: Распоряжение Правительства РФ от 27.10.2012 № 1995-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 45. Ст. 6282.
8. Ефимова Е.О. Система необходимых предупредительных мер дорожно-транспортной преступности в России // Транспортное право. 2014. № 4.
9. Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018 – 2024 годы: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 января 2018 года № 1-р [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
10. Галузо В.Н., Никонович С.Л. Дознание и процессуальные органы, его осуществляющие, в Российской Федерации // Актуальные проблемы современной науки. Сборник материалов международной научно-

практической конференции. Институт права и экономики. 2016. С. 48–57.

11. Абрамов В.А., Никонович С.Л., Авдалян А.Я. Административное право Российской Федерации. Административная деятельность органов внутренних дел. Тамбов, 2016.

12. Никонович С.Л. Криминалистика: учебно-методическое пособие. Тамбов-Липецк, 2011.

The main directions of increasing the efficiency of measures aimed at ensuring road safety in the Russian Federation Derevyagin E.V.

Volgograd Academy of the MIA of Russia

The article discusses the main directions of improving the effectiveness of measures aimed at ensuring road safety in the Russian Federation. Data on the condition and dynamics of road accidents, on results of implementation of the Federal target program on improvement of traffic safety are provided. Attention is paid to the list of measures aimed at preventing road accidents.

Key words: road safety; traffic accident; the Federal target program for improving road safety strategy road safety.

References

1. Theory of state and law: teaching aid / S.L. Nikonovich, I.G. Shauro, A.V. Bocharov. - Tambov-Lipetsk: Publishing house of Pershina R.V., 2015.277 p.
2. Federal target program "Improving road safety in 2013 - 2020": approved. Decree of the Government of the Russian Federation of October 3, 2013 N 864 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. N 41. Art. 5183.
3. Romashikhin I.V. Prospects for legal regulation of road safety // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 3.P. 103.
4. Pratsko G.S. Constitutional and legal foundations of Russia's national security: current state and prospects for expansion / Pratsko G.S., Melikhov A.I., Derevyagin E.V. // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 4 (39).
5. Transport strategy of the Russian Federation for the period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation dated November 22, 2008 No. 1734-r [Electronic resource] // ATP ConsultantPlus.
6. Shield and sword. Weekly social and legal newspaper. 2017. No. 9 (1553). March 16.
7. On the federal target program "Improving road safety in 2006 - 2012": Resolution of the Government of the Russian Federation of 20.02.2006, No. 100. // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 9. Art. 1020; On the approval of the Concept of the federal target program "Improving road safety in 2013 - 2020: Order of the Government of the Russian Federation of October 27, 2012 No. 1995-r // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 45. Art. 6282.
8. Efimova E.O. The system of necessary preventive measures for road traffic crime in Russia // Transport law. 2014. No. 4.
9. Strategy of road safety in the Russian Federation for 2018 - 2024: Order of the Government of the Russian Federation dated January 8, 2018 No. 1-r [Electronic resource] // ATP ConsultantPlus.
10. Galuzo V.N., Nikonovich S.L. Inquiry and procedural bodies carrying it out in the Russian Federation // Actual problems of modern science. Collection of materials of the international scientific and practical conference. Institute of Law and Economics. 2016.S. 48–57.
11. Abramov V.A., Nikonovich S.L., Avdalyan A.Ya. Administrative law of the Russian Federation. Administrative activities of the internal affairs bodies. Tambov, 2016.
12. Nikonovich S.L. Forensic science: educational and methodical allowance. Tambov-Lipetsk, 2011.

ПРОВЕРКА ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Николаева Ксения Николаевна

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
ФГБОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)

В настоящей статье исследуется один из актуальных вопросов отечественной теории доказательств – вопрос о проверке допустимости доказательств.

Ключевые слова: доказывание, доказательства, собрание доказательств, проверка доказательств, оценка доказательств, исследование доказательств, относимость доказательств, допустимость доказательств, достоверность доказательств.

Содержание (предмет) проверки доказательств, как и предмет их оценки, выражается через те свойства, которыми должно обладать каждое доказательство, чтобы его можно было впоследствии оценивать в составе совокупности доказательств с точки зрения ее достаточности и использовать для обоснования конечных выводов по делу. Такими свойствами доказательств в силу ч. 1 ст. 88 УПК РФ, являются относимость, допустимость и достоверность.

Между названными свойствами нет корреляции: не относящиеся к делу доказательства нам индифферентны с точки зрения достоверности их содержания и допустимости формы, а недопустимые доказательства вообще не должны быть приняты во внимание, поскольку они не могут быть использованными в доказывании. Следовательно, лишь допустимое доказательство может быть рассмотрено с точки зрения его относимости и достоверности.

Данный вывод следует из последовательного прочтения и анализа ч. 2 ст. 50 Конституции РФ и ст. 75 УПК РФ.

Так, Конституцией РФ провозглашено, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. В соответствии с этим положением доказательства, которые получены с нарушением требований, предъявляемых к собиранию доказательств в уголовном процессе, не будут иметь юридической силы¹, то есть не будут иметь никаких правовых последствий, кроме тех, которые порождены самим фактом их недопустимости, а значит, не должны быть положены в основу обвинения и не могут использоваться для доказывания любого из имеющих значение для дела обстоятельств.

Пленум Верховного Суда РФ, раскрывая понятие доказательств, полученных с нарушением закона, в Постановлении от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» указал, что «доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией РФ права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также, если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результа-

¹ Юридическая сила документа: свойство официального документа вызывать правовые последствия. Такое определение дает ГОСТ 7.0.8-2013 «СИБИД. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения».

те действий, не предусмотренных процессуальными нормами».

Схожую норму содержит и уголовно-процессуальное законодательство (ч. 1 ст. 75 УПК РФ): «доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ».

Сказанное означает, что требование о допустимости доказательств является важнейшей гарантией законности уголовного судопроизводства, а, следовательно, гарантией прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства [1, с. 49], а также важнейшим условием достижения назначения уголовного судопроизводства.

Данное высказывание находит свое подтверждение и в постановлениях Конституционного Суда РФ, например, от 09.12.2003 № 18-П, от 14.07.2005 № 8-П, от 17.11.2005 № 11-П, в которых он указывает, что исключение доказательств, полученных с нарушением закона, является конституционным правом человека, которое как составная часть более общего конституционного права на судебную защиту в соответствии с ч. 3 ст. 56 Конституции РФ ограничено быть не может.

Несмотря на всю важность данного института (допустимость доказательств), уголовно-процессуальный закон не содержит ни определения, ни конкретных критериев (условий) допустимости доказательств, в связи с чем, рассмотрим, как данная проблема решается в научной литературе.

Продолжительное время в уголовно-процессуальной науке развивалось представление о допустимости уголовно-процессуальных доказательств как о пригодности их с точки зрения формы.

Авторы известной монографии по теории доказательств писали: «Допустимость есть пригодность доказательства с точки зрения законности источников, методов и приемов получения сведений» [2, с.229].

Аналогичным образом высказывался М.М. Гродзинский, по мнению которого допустимость средств доказывания «означает такое их процессуальное свойство, в силу которого они являются пригодными для использования в уголовных делах именно для получения сведений о тех или иных фактах» [3, с.5].

То же самое находим и у В.В. Золотых, который, под допустимостью доказательства понимает возможность (позволительность) использования доказательства в процессе доказывания обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела [4, с.6].

Очевидно, чтобы быть допустимым, то есть пригодным для целей уголовного процесса, доказательство должно соответствовать каким-то кри-

териям, но вопреки отдельным мнениям, эти критерии в законе не определены.

Это обстоятельство порождает определенные сложности в оценке того или иного доказательства с точки зрения его допустимости. В частности, трудно согласиться с авторами, которые считают, что закон предъявляет требования методам и приемам, с помощью которых сведения получены [5, с.68], поскольку, как известно, ни методы, ни приемы получения сведений, имеющих значение для дела, разрабатываемые криминалисткой, никаким законом не урегулированы.

Наиболее часто допустимость доказательства рассматривается как соответствие его требованиям закона относительно субъекта, источника, порядка обнаружения, собирания и закрепления каких-либо сведений.

Поскольку указанные критерии охватывают основные признаки процессуальной формы, многие авторы при определении понятия допустимости доказательств ограничиваются перечислением этих критериев, называемых также признаками или условиями.

Так, С.А. Шейфер относительно понятия допустимости, писал, что «это свойство, означающее, что доказательство получено из надлежащего источника, управомоченным лицом, законным способом и облечено в надлежащую форму» [6, с.137].

А.А. Хмыров, основываясь на решениях Верховного суда РФ, указывал на то, что к условиям допустимости доказательств относятся: надлежащий субъект, надлежащий источник, проведение надлежащего процессуального действия, а также соблюдение установленного процессуальным законом порядка получения доказательств [7, с.140-145].

С точки зрения И.Б. Михайловской, допустимое доказательство должно соответствовать следующим условиям: надлежащий субъект его получения; законность источника сведений; использование для его получения лишь того следственного или судебного действия, которое предусмотрено законом; проведение следственного (судебного) действия с соблюдением установленных законом требований [8, с.105].

На наш взгляд, наиболее точно раскрывает сущность допустимости доказательств В.А. Лазарева; устраняя определенные неточности и пробелы в мнениях других авторов, она указывает признаки допустимости доказательств, которые в то же время служат и вполне проверяемыми критериями. Это:

- наличие у участника уголовного процесса полномочий на проведение процессуального действия по собиранию доказательств;
- надежность источника доказательственной информации;
- соблюдение установленных законом правил получения сведений о подлежащих доказыванию обстоятельствах;
- надлежащее закрепление полученной информации [9, с.172].

Отсутствие нормативного закрепления критериев допустимости доказательств позволяет утверждать, что проверка доказательства с точки зрения его допустимости предполагает необходимость соотнесения всей процедуры его формирования с теми требованиями закона, которые к нему относятся.

Критерии допустимости, приведенные выше, основаны на попытке сгруппировать отдельные частные требования, хотя все они, что очевидно, в одном определении перечислены быть не могут. Тем не менее, Верховным Судом РФ предпринимаются «попытки» формулирования рекомендаций по применению допустимости как обязательного свойства доказательства [10 с.426].

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.12.2008 № 49-Д08-107 приговор Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан и все последующие судебные решения были отменены ввиду того, что не были разъяснены права, обязанности и ответственность по ст. 307 УК РФ эксперту Г., проводившему экспертное исследование в отношении Н.[11].

Определением № 83-009-34 Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ были исключены из числа доказательств заключения фonoскопических экспертиз, поскольку органами предварительного следствия не были надлежащим образом выполнены требования ст. 202 УПК РФ: образцы голосов для сравнительного исследования были получены скрытно от обвиняемых и в отсутствие их защитников [12, с. 78-83].

Кассационным определением № 81-008-6 Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ был отменен приговор Кемеровского областного суда по причине того, что текст копии приговора, представленной стороной обвинения в кассационную инстанцию, отличался от текста подлинного приговора, находящегося в деле, по структуре, очередности изложения доказательств и их [13].

По ходатайству защитника К. Липецким районным судом в рамках рассмотрения уголовного дела № 1-64/2013 были признаны недопустимыми доказательствами два протокола предъявления для опознания. Основаниями для принятия таких решений послужили: предъявление для опознания по фотографиям при наличии реальной возможности предъявления для опознания «вживую» (нарушение требований ч. 5 ст. 193 УПК РФ); отсутствие в протоколе предъявления для опознания указания на индивидуально определенные признаки, позволяющие идентифицировать опознаваемое лицо (нарушение требований чч. 2, 7 ст. 193 УПК РФ).

Вместе с тем, схожие по своей сущности нарушения, заключающиеся в игнорировании идентичных по своей значимости требований, предъявляемых к содержанию протокола следственного действия, процедуре его оформления, в других случаях не воспринимались судами как существенные

(грубые) и, как следствие, не влекли признание недопустимыми оспариваемых доказательств[14].

Например, в апелляционном определении от 14.10.2014 года по уголовному делу № 33-АПУ14-20 по обвинению Л. в совершении преступлений, предусмотренных пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105, пп. «а», «в» ч. 3 ст. 158, ч. 1 ст. 222 УК РФ, ч. 3 ст. 327 УК РФ Верховный Суд РФ признал протокол осмотра места происшествия допустимым доказательством, несмотря на то, что он был составлен неуполномоченным лицом – следователем А., который не принимал дело к производству, в нем имелись неоговоренные исправления, протокол не был подписан экспертом, а в качестве понятых были привлечены лица, заинтересованные в исходе дела[15].

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) в апелляционном определении от 24.12.2014 года по уголовному делу № 22-1968 признала допустимыми протоколы допроса свидетелей Н. от 27 января 2009 г., Б. от 27 января 2009 г., Ц. от 29 января 2009 г., несмотря на то, что все указанные следственные действия были проведены следователем Э., не входившим в состав следственной группы. Поскольку протоколы были составлены с соблюдением требований ст.ст. 187, 189 и 190 УПК РФ и по содержанию не противоречили другим собранным по уголовному делу доказательствам, суд не признал существенным нарушением получение показаний ненадлежащим субъектом [16].

Как следует из вышеприведенных судебных решений, четких, однозначных критериев, позволяющих разделить нарушения уголовно-процессуального закона на те, которые влекут признание доказательств недопустимыми, и те, которые таких правовых последствий не создают, не существует.

Однако унификация судебной практики при определенных и систематических усилиях Верховного Суд РФ представляется возможной.

Говоря о проверке допустимости доказательств нельзя оставить без внимания, что отвергнуть доказательство как недопустимое вправе любой официальный субъект уголовного процесса, включая самого дознавателя, следователя, но признать его допустимым в состязательном уголовном процессе может только суд[17 с.78-83].

Именно исследование доказательств, в свойственной судебному разбирательству процедуре, то есть в условиях устности, гласности, непосредственности и равноправия сторон, повышает эффективность проводимой в суде проверки допустимости доказательств и является гарантией прав законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим:

1. Требование допустимости доказательств является важнейшей гарантией законности уголовного судопроизводства а, следовательно, гарантией прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводстваа также важ-

нейшим условием достижения назначения уголовного судопроизводства.

2. Четких, однозначных критериев, позволяющих разделить нарушения уголовно-процессуального закона на те, которые влекут признание доказательств недопустимыми, и те, которые таких правовых последствий не создают, а также критериев их проверки не существует.

3. Вывод о допустимости доказательства есть результат его оценки, основанной на проверке соответствия доказательства установленным законом требованиям.

4. Главная роль в проверке допустимости доказательств принадлежит суду, который производит непосредственное исследование доказательств в условиях устности, гласности, непосредственности и равноправия сторон, что повышает эффективность проверки доказательств является гарантией прав законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Литература

1. Лазарева В.А., Попов Д.В. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе. М.Юрлитфорум.2009. 160 с.

2. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. – М., 1973.736 с.

3. Гродзинский М.М. Некоторые проблемы косвенных доказательств // Вопросы криминалистики. М., 1974. № 11.

4. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. – Ростов /н/Д., 1999. 288 с.

5. Озеров И.Н., Черкасова Е.А., Капустина И.Ю. Допустимость в уголовном судопроизводстве: сущность и значение // Проблемы правоохранительной деятельности. Белгород. 2013. № 2.

6. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М.: НОРМА, 2009 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2013. 125 с.

7. Хмыров А.А. Теория доказывания: учеб. пособие. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2006.

8. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект. 2008.192 с.

9. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. Учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 2014. 359 с.

10. Лазарева В.А., Утарбаев А.К. Допустимость – свойство доказательства или характеристика процессуальной деятельности органов расследования // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования; под ред А.А. Напреенко. Самара. 2006. Вып. 2. С. 426-438.

11. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009 № 8.

12. Лазарева В.А. Проблемы оценки допустимости доказательств по уголовному делу, поступившему в суд с обвинительным постановлением // ГлаголЪ правосудия. Иркутск: 2016. № 2 (12). (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2009 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 5).

13. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 мая 2008 г. № 81-008-6 (Извлечение). URL: <http://www.lawmix.ru/vas/91500/>.

14. <https://cyberleninka.ru/article/n/priznanie-dokazatelstv-nedopustimymi-v-sudebnyh-resheniyah-po-ugolovnym-delam-poisk-kriteriev/>.

15. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14 окт. 2014 г. по делу № 33-АПУ14-20 // СПС «КонсультантПлюс».

16. <https://cyberleninka.ru/article/n/priznanie-dokazatelstv-nedopustimymi-v-sudebnyh-resheniyah-po-ugolovnym-delam-poisk-kriteriev/>.

17. Лазарева В.А. Проблемы оценки допустимости доказательств по уголовному делу, поступившему в суд с обвинительным постановлением // ГлаголЪ правосудия. Иркутск: 2016 № 2 (12).

Verification of proofsofe vidence

Nikolaeva K.N.

Samara national research University named after academician S. P. Korolev

This article examines one of the topical issues of the national theory of evidence – the question of checking the admissibility of evidence.

Key words: proof, evidence gathering, evidence verification, evidence evaluation, evidence investigation, evidence relevance, evidence admissibility, reliability of evidence.

References

1. Lazareva V.A., Popov D.V. Problems of using witness testimony in criminal proceedings. M. JurLitfor. 2009. 160 s.

2. The theory of evidence in the Soviet criminal process / отв. ed. N.V. Zhogin. - M., 1973, 736 p.

3. Grodzinsky M.M. Some problems of circumstantial evidence // Problems of criminalistics. M., 1974. No. 11.

4. Zolotykh V.V. Checking the admissibility of evidence in criminal proceedings. - Rostov / n / D., 1999.288 p.

5. Ozerov I.N., Cherkasova E.A., Kapustina I.Yu. Admissibility in criminal proceedings: essence and meaning // Problems of law enforcement. Belgorod. 2013. No. 2.

6. Sheifer S.A. Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation. - M.: NORMA, 2009 // Access from SPS "ConsultantPlus", 2013. 125 p.

7. Khmyrov A.A. Evidence theory: textbook. allowance. Krasnodar: Kuban State University, 2006.

8. Mikhailovskaya I.B. Handbook of a judge on proof in criminal proceedings. M.: TK Welby, Publishing house Prospect. 2008.192 s.

9. Lazareva V.A. Proofing in criminal proceedings. Textbook. 5th ed., Rev. and add. M.: Yurayt. 2014.359 s.

10. Lazareva V.A., Utarbaev A.K. Admissibility is a property of evidence or a characteristic of the procedural activity of the investigation bodies // State and law: questions of methodology, theory and practice of functioning; edited by A.A. Napreenko. Samara. 2006. Issue. 2.S. 426-438.

11. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2009 No. 8.

12. Lazareva V.A. Problems of assessing the admissibility of evidence in a criminal case brought to court with an indictment // Glagol of justice. Irkutsk: 2016. No. 2 (12). (Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the IV quarter of 2009 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2010. No. 5).

13. The cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 7, 2008 No. 81-008-6 (Extract). URL: <http://www.lawmix.ru/vas/91500/>.

14. <https://cyberleninka.ru/article/n/priznanie-dokazatelstv-nedopustimymi-v-sudebnyh-resheniyah-po-ugolovnym-delam-poisk-kriteriev/>.

15. Appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation from October 14. 2014 on case No. 33-АПУ14-20 // SPS "ConsultantPlus".

16. <https://cyberleninka.ru/article/n/priznanie-dokazatelstv-nedopustimymi-v-sudebnyh-resheniyah-po-ugolovnym-delam-poisk-kriteriev/>.

17. Lazareva V.A. Problems of assessing the admissibility of evidence in a criminal case brought to court with an indictment // Glagol of justice. Irkutsk: 2016 No. 2 (12).

ОРГАНЫ И УЧРЕЖДЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАК СУБЪЕКТЫ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Абрамов Владимир Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Российская академия народного хозяйства при Президенте Российской Федерации и государственного управления, Липецкий филиал

Никонович Сергей Леонидович

доктор юридических наук, доцент, Директор Высшей школы права бизнес, управление и права ФГБОУ ИН «Российский государственный университет туризма и сервиса»

В статье рассматриваются проблемные вопросы, касающиеся наделения органов и учреждений уголовно-исполнительной системы правовым статусом органа дознания при производстве досудебного уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: досудебное уголовное судопроизводство, орган дознания, начальник учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, возбуждение уголовного дела, неотложные следственные действия.

В РСФСР, в период действия советского уголовно-процессуального законодательства вопрос о том, являются ли органы и учреждения уголовно-исполнительной системы субъектами, имеющими право осуществлять досудебное уголовное судопроизводство и в каком объеме, никогда не стоял. Ведь в п. 4 ст. 117 УПК РСФСР было определено, что органами дознания являются «начальники исправительно-трудовых учреждений, следственных изоляторов, лечебно-трудовых профилакториев и воспитательно-трудовых профилакториев». Указанные субъекты, в соответствии со ст. 119 УПК РСФСР имели право по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно, возбудить уголовное дело и принять «все предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию». Соответственно, в указанной ситуации органы и учреждения УИС обладали правом провести дознание по уголовному делу в полном объеме и направить его в суд для рассмотрения по существу.

Если же по делу производство предварительного следствия было обязательным, то органы дознания, а в нашем случае начальники ИТУ, СИЗО, ЛТП и ВТП, были наделены правом при наличии повода и основания возбудить уголовное дело и выполнить «неотложные следственные действия по установлению и закреплению следов преступления» (ст. 119 УПК РСФСР). К числу таких неотложных следственных действий уголовно-процессуальный закон относил осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей.

Подследственность уголовных дел по которым сотрудники УИС обладали правом провести досудебное уголовное производство в полном объеме определялась наличием двух условий: во-первых, по уголовному делу производство предварительного следствия было не обязательным; во-вторых, преступное деяние было совершено сотрудниками этих учреждений и направлено против установленного порядка несения службы, а равно по делам о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений.

Российское уголовно-процессуальное законодательство по сравнению с ранее действовавшим советским, значительно изменило круг субъектов имеющих право на осуществление досудебного уголовного судопроизводства. В связи с чем, законономерен вопрос об уголовно-процессуальном ста-

тусе органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

Отвечая на поставленный вопрос, прежде всего, следует отметить, что предварительное расследование, как ведущая стадия досудебного уголовного судопроизводства, в соответствии с ч. 1 ст. 150 УПК РФ может осуществляться в одной из двух форм – в форме предварительного следствия или в форме дознания, которое, в свою очередь, «производится в общем порядке либо в сокращенной форме (ч. 1.1. ст. 150 УПК РФ).

Круг субъектов, имеющих право производить по уголовному делу предварительное следствие, в уголовно-процессуальном законодательстве определен четко. К их числу относятся только следователи, осуществляющие свою профессиональную деятельность в аппарате Следственного комитета РФ, органах федеральной службы безопасности и органах внутренних дел Российской Федерации.

В отличие от предварительного следствия, круг лиц, имеющих право осуществлять дознание по уголовному делу, значительно шире. В соответствии с УПК РФ предварительное расследование в форме дознания может быть осуществлено органом дознания (ст. 40 УПК), дознавателем (ст. 41 УПК), следователем (ст. 151 УПК).

Анализ ст. 40 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что к органам дознания относятся отдельные федеральные органы исполнительной власти, перечень которых определен в п.п. 1-4 ч. 1 указанной правовой нормы. При этом обращает на себя внимание наличие в п.1 ч.1 отсылочной нормы, в соответствии с которой «органы исполнительной власти, наделенные ... полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности» также имеют право на производство дознания по уголовному делу [4, с.84].

Перечень таких органов, которым на территории РФ предоставлено право на проведение оперативно-розыскной деятельности, исчерпывающе изложен в ст. 13 Федерального закона от 12.08.1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1]. В соответствии с п. 8 ч. 1 указанной статьи федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН) отнесена к числу данных органов. Кстати, право на осуществление оперативно-розыскной деятельности органами ФСИН продублировано также в ст. 14 Закона РФ от 21.07.1993 г. №5473-1 «Об учреждениях и органах исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [2;5;6].

Кроме ст. 40 УПК РФ, в соответствии с которой органы уголовно-исполнительной системы уголовно-процессуальным статусом органа дознания и, соответственно, обладают правом возбудить уголовное дело произвести следственные действия, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве имеется ст. 157 УПК устанавливающая круг субъектов имеющих право на производство неотложных следственных действий. Такими субъектами на основании п. 5 ч. 2 ст. указанной выше статьи УПК являются начальники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

В соответствии с п. 19 ст. 5 УПК РФ «неотложные следственные действия – действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования». Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от ранее действовавшего УПК РСФСР, в ст. 119 которого были перечислены конкретные следственные действия, относящиеся к числу неотложных, действующий УПК РФ ограничился общими понятиями, определяющие цели и задачи производства неотложных следственных действий. С учетом обстоятельств совершенного преступления роль неотложных могут выполнять самые разнообразные из предусмотренных в законе следственных действий [3, с. 175].

На основе анализа п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ можно сделать вывод о том, что подследственность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы при производстве неотложных следственных действий конкретно, в зависимости от статей Особенной части УК РФ, не определена. Законодатель лишь обобщенно обозначил круг общественно-опасных деяний, по которым начальники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, обладая уголовно-правовым статусом органа дознания, обладают правом возбудить уголовное дело в порядке, установленном ст. 146 УПК РФ при наличии поводов и основания, предусмотренных ст. 140 УПК РФ и провести неотложные следственные действия. В данном случае это возможно лишь по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а равно о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами.

Учитывая тот факт, что в качестве субъекта наделенного правом производства неотложных следственных действий указанных в п. 5 ч. 2 ст.157 УПК РФ указаны не органы, а конкретные должностные лица, обладающие административными полномочиями руководителя – начальники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Тогда возможность делегирования полномочий по производству следственных действий, на наш взгляд, невозможна. В нашем случае соответствующий начальник не выступает в качестве руководителя соответствующего органа дознания, так как только он сам наделен уголовно-процессуальными полномочиями, а не возглавляемое им учреждение или орган.

Начальник учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, осуществляя уголовно-процессуальную деятельность, обладает необходимой самостоятельностью при производстве следственных и иные процессуальных действий, принятии процессуальных решений, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ для

этого требуется согласие прокурора или судебное решение. При этом производство неотложных следственных действий исключает возможность применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что органы и учреждения ФСИН, в лице соответствующих начальников, обладают правами органа дознания в досудебном уголовном судопроизводстве, однако реализовать их они могут в границах производства неотложных следственных действий, предусмотренных ст. 157 УПК РФ, т.е. обладают, на наш взгляд, «усеченными» полномочиями. Мы полагаем, что в данный момент следует более конкретно определить уголовно-процессуальный статус органов и учреждений УИС, в рамках полноценного статуса органа дознания, определив его подследственность руководствуясь спецификой деятельности ФСИН.

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон РФ от 12.08.1995 г. №144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
2. Об учреждениях и органах исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон РФ от 21.07.1993 г. №5473-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316.
3. Уголовно-процессуальное право в вопросах и ответах / Абрамов В.А., Никонович С.Л., Могутин Р.И., Бирюков С.Ю. – Тамбов, 2014. – 358 с.
4. Абрамов В.А., Никонович С.Л. Уголовно-процессуальное право. Общая часть. Курс лекций. Липецк-Тамбов, 2013. – 230 с.
5. Уголовно-исполнительное право / Бугера Н.Н., Стрилец О.В., Канубриков В.А. и др. Тамбов, 2015.
6. Кардашевская М.В., Никонович С.Л., Абрамов В.А. Криминалистические проблемы расследования отдельных видов преступлений. Тамбов, 2013.
7. Никонович С.Л. Преступная группа – необходимая составляющая криминалистической характеристики комплексной методики расследования // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 12. С. 135-137.

The organs and institutions of the penal system as the subjects of pre-trial criminal proceedings

Abramov V.A., Nikonovich S.L.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, "Russian state University of tourism and service
The article deals with the problematic issues related to the provision of bodies and institutions of the penal system with the legal status of the body of inquiry in pre-trial criminal proceedings.

Key words: pre-trial criminal proceedings, the body of inquiry, the head of the institution or body of the criminal Executive system, the initiation of criminal proceedings, urgent investigative actions.

References

1. On operational-search activity: Federal Law of the Russian Federation of 12.08.1995, No. 144-FZ (as amended on 06.07.2016) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 33. Art. 3349.
2. On institutions and bodies executing criminal punishments in the form of imprisonment: RF Law of 21.07.1993, No. 5473-1 // Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993. No. 33. Art. 1316.
3. Criminal procedure law in questions and answers / Abramov VA, Nikonovich SL, Mogutin RI, Biryukov S.Yu. - Tambov, 2014. -- 358 p.
4. Abramov V.A., Nikonovich S.L. Criminal Procedure Law. A common part. Lecture course. Lipetsk-Tambov, 2013. -- 230 p.
5. Criminal executive law / NN Bougera, OV Strilets, VA Kanubrikov. et al. Tambov, 2015.
6. Kardashevskaya M.V., Nikonovich S.L., Abramov V.A. Forensic problems in the investigation of certain types of crimes. Tambov, 2013.
7. Nikonovich S.L. A criminal group is a necessary component of the forensic characteristics of a complex investigation technique // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 12. S. 135-137.

НАКАЗАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ЗА ЗАВЕРШЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Левашова Ольга Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и криминологии, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

В целесообразности применения альтернативных наказаний за совершение неосторожных транспортных преступлений можно убедиться, если обратиться к зарубежному уголовному законодательству и правоприменительной практике. Целью статьи является рассмотрение отдельных видов наказаний, применяемых в законодательстве отдельных зарубежных государств и возможности применения их в уголовном законодательстве России.

Ключевые слова: наказание, транспортные преступления, альтернативные наказания, неосторожная преступность, зарубежное законодательство.

В уголовном законодательстве многих зарубежных стран санкции норм о неосторожных транспортных преступлениях включают в себя наряду с лишением свободы и другие альтернативные виды наказаний (по большей части штрафы). К примеру, в Уголовном кодексе ФРГ в качестве санкции за «опасные посягательства на деятельность железнодорожного, морского или воздушного транспорта», в результате которых создается «опасность здоровью или жизни другого человека или чужим вещам, имеющим значительную стоимость», если эта опасность создается «по небрежности», выступают лишение свободы на определенный срок либо денежный штраф (§ 315 УК ФРГ). Таким же образом в соответствии с § 315b наказывается «опасное вмешательство в дорожное движение», в результате которого причиняются вредные последствия, аналогичные указанным выше [6]. Схожим образом выглядит санкция статьи 238 Уголовного кодекса Швейцарии, устанавливающая ответственность за нарушение движения железнодорожного транспорта. Согласно этой статье лицо, которое по неосторожности препятствует работе железнодорожного транспорта, нарушает его деятельность или угрожает этому и тем самым значительно подвергает опасности жизнь и здоровье людей или чужое имущество, наказывается тюремным заключением или штрафом [8;9].

Из приведенных выше примеров может показаться, что применение альтернативных наказаний за совершение транспортных преступлений допускается только в случаях, если рассматриваемые деяния создают, лишь угрозу причинения вредных последствий либо приводят к причинению вреда здоровью человека. Однако это не совсем так. Уголовное законодательство ряда зарубежных стран допускает применение наказаний, не связанных с лишением свободы, даже в случае, если в результате совершения транспортного преступления наступает смерть одного или более лиц. В качестве примера в данном случае можно привести статью 168 Уголовного кодекса Голландии. Данная статья устанавливает ответственность за разрушение, повреждение, приведение в негодность или совершение каких-либо иных действий с водным или воздушным судном, в результате которых такое судно тонет, садится на мель или гибнет, в результате чего создается опасность для жизни другого человека либо в результате этого наступает смерть человека. При этом за совершение указанного деяния в первом случае виновное лицо подлежит тюремному заключению на срок до пятнадцати лет либо штрафу, во втором случае –

пожизненному тюремному заключению или лишению свободы до двадцати лет либо аналогичному штрафу [7]. Иными словами, согласно зарубежному уголовному законодательству вполне допустимым считается применение альтернативных наказаний за совершение даже тех транспортных преступлений, результатом которых является причинение смерти одному или нескольким лицам.

В последние несколько десятилетий во многих зарубежных странах (в основном европейских) наблюдается тенденция к замене лишения свободы альтернативными наказаниями (в том числе и за совершение транспортных преступлений). Начало данному процессу было положено еще в 1981 году, когда Парламентская Ассамблея Совета Европы рекомендовала государствам-участникам «заменять наказания, в виде лишения свободы, предусматривающие непродолжительное содержание под стражей, другими мерами, которые были бы более эффективны и не противоречили принципу наказания» [1, с. 25]. В 1986 г. Комитет Министров Совета Европы принял Резолюцию под названием «Некоторые меры, альтернативные тюремному заключению». В этой Резолюции Комитет рекомендовал правительствам государств-участников вводить различные альтернативные наказания и рассмотреть возможности по включению их в Уголовный кодекс [1, с. 26]. В 1985 г. на Седьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в г. Милане, государства-участники приняли Резолюцию № 16, которая акцентировала внимание на сокращении численности заключенных, предпочтении альтернативных мер наказания и социальной реинтеграции правонарушителей [2]. В результате принятия названных документов и реализации их положений на практике удалось добиться значительного сокращения применения наказания в виде лишения свободы, в том числе и за совершение транспортных преступлений. Как отмечает ряд исследователей, в последнее время в европейских странах более половины лиц, осужденных за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, подвергаются мерам уголовного наказания, не связанным с лишением свободы.

При этом эффективность применения альтернативных наказаний за совершение транспортных преступлений доказывается тем, что в целом ряде европейских стран уровень дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими (и соответственно транспортных преступлений), согласно данным статистики, значительно ниже, чем в нашей стране. Так, если в 2011 году число дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими (и соответственно транспортных преступлений) в Российской Федерации составляло 199,9 тысяч, то например, в Австрии аналогичный показатель составлял 35,1 тысяч происшествий, в Бельгии – 47,9 тысяч, в Голландии – 10, 8 тысяч, во Франции – 65 тысяч, в Швейцарии – 19,6 тысяч [3; 4].

Все это еще раз доказывает возможность и целесообразность применения альтернативных

наказаний за совершение транспортных преступлений.

Доказав возможность и целесообразность применения альтернативных наказаний за совершение неосторожных транспортных преступлений, необходимо перейти к рассмотрению вопроса о том, какие именно виды альтернативных наказаний, установленных действующим уголовным законодательством, могут применяться за совершение рассматриваемых деяний. При определении видов таких наказаний помимо общественной опасности преступного деяния и характеристики личностных особенностей осужденного необходимо также исходить из эквивалентности данных наказаний между собой и с лишением свободы, а также определить те пределы наказания в виде лишения свободы, при которых введение в санкции норм о транспортных преступлениях альтернативных наказаний является возможным и целесообразным.

Что касается эквивалентности альтернативных санкций, то ее соблюдение необходимо для того, чтобы исключить «потенциальную возможность назначения несправедливого – сурового или мягкого наказания, не соответствующего тяжести содеянного и личности виновного» [5, с. 445] и тем самым сузить рамки судебного усмотрения. Ряд принципов определения эквивалентности различных санкций между собой содержится в нормах главы 9 УК, устанавливающих правила зачета сроков различных наказаний при замене неотбытой части одного вида наказания другим. При этом, на наш взгляд, не стоит трактовать эквивалентность альтернативных санкций между собой и с лишением свободы как строгое соответствие нижних и верхних пределов одной санкции (допустим, ограничения свободы) таким же пределам другой санкции (например, лишения свободы на определенный срок). Иными словами, верхний предел альтернативной санкции может не всегда совпадать с верхним пределом лишения свободы. Так, например, согласно части 5 статьи 53 УК два дня ограничения свободы эквивалентны одному дню лишения свободы. Из данного положения следует вывод, что эквивалентным лишению свободы на срок до двух лет будет являться ограничение свободы на срок до 4 лет, то есть на максимально возможный срок назначения данного вида наказания. Однако эквивалентность размеров наказаний, понимаемая в таком смысле, не всегда соблюдается даже самим законодателем. В частности, это можно обнаружить в части 1 статьи 264, части 1 статьи 266, части 1 статьи 268, в которых верхний предел лишения свободы составляет 2 года, а предельный срок ограничения свободы определен на уровне 3 лет. Но такое определение верхних пределов указанных видов наказаний, на наш взгляд, нельзя считать ошибкой законодательной конструкции данных статей УК. Указанное выше несоответствие верхних пределов наказаний говорит не об отсутствии их эквивалентности, а об установлении внутри соответствующих уголовно-правовых норм определенной градации различных

видов наказаний по степени их тяжести и продолжительности их отбывания. Такая градация необходима для того, чтобы сузить пределы судебного усмотрения при назначении наказания за совершение транспортных преступлений.

Иными словами, в рассмотренных выше статьях УК законодатель путем установления различных размеров наказаний указывает правоприменителям, что лишение свободы за данные преступления деяния может быть заменено таким альтернативным видом наказания, как ограничение свободы, лишь в случае, когда предельный срок, на который могло бы быть назначено лишение свободы составляет не более 1,5 лет. Если же за аналогичное по объективной стороне деяние может быть назначено лишение свободы на срок от 1,5 до 2 лет в силу его большей общественной опасности (ввиду, например, повторного совершения такого деяния), то ограничение свободы применять уже не следует.

Таким образом, в рассмотренных выше случаях градация пределов наказаний не является ошибочной и служит целям индивидуализации и назначения более справедливого наказания.

Говоря о том, что эквивалентность не всегда означает строгое соответствие между собой верхних пределов различных видов наказаний, предусмотренных в санкции соответствующей части статьи, стоит отдельно сказать о соответствии минимальных пределов альтернативных наказаний между собой и с лишением свободы. На наш взгляд, при определении нижних пределов альтернативных видов наказаний следует все же избегать значительных различий в нижних пределах альтернативных видов наказаний и нижних пределах лишения свободы, указанных в санкциях соответствующих частей статей главы 27 УК. Конечно, сказанное не означает, что нижняя граница альтернативного наказания при его «конвертации» в лишение свободы должна соответствовать нижней границе лишения свободы день-в-день. Однако такой разрыв, по нашему мнению, должен составлять от 6 месяцев до одного года. В противном случае не в полной мере будет соблюден принцип справедливости. Кроме того, как и в случае с лишением свободы нижний предел альтернативного наказания, назначаемого за неосторожные транспортные преступления с более тяжкими последствиями, должен быть не меньше верхнего предела такого же вида альтернативного наказания, назначаемого за аналогичные преступные деяния с менее тяжкими последствиями.

Что касается предельных сроков лишения свободы, при которых оно может быть заменено альтернативными видами наказаний, то мы полагаем, что в данном случае мы можем полностью согласиться с точкой зрения А.И. Чучаева относительно данного вопроса. По его верному замечанию лишению свободы на срок свыше 5-7 лет альтернативы не существует [5, с. 445]. Иными словами установление в санкциях норм о транспортных преступлениях альтернативных видов наказаний можно признать возможным и целесообразным

лишь в том случае, если наказание в виде лишения свободы за соответствующее преступное деяние не превышает 5-7 лет.

Помимо рассмотренных выше аспектов при включении в санкции норм о транспортных преступлениях различных видов альтернативных наказаний необходимо также придерживаться правила, что по мере повышения максимума санкции количество альтернативных наказаний должно уменьшаться. Соблюдение этого правила позволит обеспечить соотносимость типовых видов наказаний, а значит, создаст необходимые предпосылки для назначения индивидуализированного наказания, predeterminedенного самим законодателем, а не судебским усмотрением.

Литература

1. Дворянсков И.В., Сергеева В.В., Баталин Д.Е. Применение альтернативных видов наказания в Западной Европе, США и России (сравнительно-правовое исследование). – М.: ООО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2004. 90 с.
2. Принятие Миланского плана действий: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 06.09.1985 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901809390> (дата обращения: 16.03.2018).
3. Россия и страны – члены Европейского Союза. 2013: статистический сборник [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_65/Main.htm (дата обращения: 15.03.2018).
4. Транспорт и связь в России. 2017. Статистический сборник [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_5563/Main.htm (дата обращения: 15.03.2018).
5. Чучаев А.И. Транспортные преступления: проблемы механизма, квалификации и наказания: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. 511 с.
6. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии от 15.05.1871 г. (ред. от 13.11.1998) [Электронный ресурс]. – URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733> (дата обращения: 15.03.2018).
7. Уголовный кодекс Голландии: выполнено 3 марта 1881 года; издано 5 марта 1881 года (ред. от 01.12.2000) [Электронный ресурс]. – URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242430&subID=100100457,100100459> (дата обращения: 15.03.2018).
8. Уголовный Кодекс Швейцарский от 21.12.1937 г. (ред. от 01.04.2002) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241950> (дата обращения: 15.03.2018).
9. Уголовно-исполнительное право / Бугера Н.Н., Стрилец О.В., Канубриков В.А. и др. Тамбов, 2015.

The punishments applied for completion of transport crimes in the legislation of foreign countries

Levashova O.V.

Yelets state University they. I. A. Bunin

For commission of careless transport crimes it is possible to be convinced of expediency of application of alternative punishments if to address to foreign criminal the legislation and law-enforcement practice. The purpose of article is consideration of separate types of the punishments applied in the legislation of the certain foreign states and a possibility of their application in the criminal legislation of Russia.

Key words: punishment, transport crimes, alternative punishments, careless crime, foreign legislation.

References

1. Dvoryanskov I.V., Sergeeva V.V., Batalin D.Ye. The use of alternative types of punishment in Western Europe, the USA

- and Russia (comparative legal study). - M .: RPO "Center for Assistance to Criminal Justice Reform", 2004. 90 p.
2. Adoption of the Milan Action Plan: Resolution of the UN General Assembly of 09/06/1985 [Electronic resource]. - URL: [http:// docs. cntd.ru/ document / 901809390](http://docs.cntd.ru/document/901809390) (date accessed: March 16, 2018).
 3. Russia and countries - members of the European Union. 2013: statistical collection [Electronic resource]. URL: [http://www.gks.ru/bgd/ regl / b13_65 / Main.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_65/Main.htm) (date of access: 03/15/2018).
 4. Transport and communications in Russia. 2017. Statistical collection [Electronic resource]. - URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_5563/Main.htm (date of access: 03/15/2018).
 5. Chuchaev A.I. Transport crimes: problems of mechanism, qualification and punishment: diss. ... Dr. jurid. sciences. M., 1990.511 p.
 6. The Criminal Code of the Federal Republic of Germany from 15.05.1871 (revised from 13.11.1998) [Electronic resource]. - URL: [http://law.edu.ru/ norm / norm. asp? normID = 1242733](http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733) (date accessed: 15.03.2018).
 7. The Dutch Penal Code: implemented on March 3, 1881; published on March 5, 1881 (as revised on 12/01/2000) [Electronic resource]. - URL: [http://law.edu. ru / norm / norm.asp? normID = 1242430 & subID = 100100457,100100459](http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242430&subID=100100457,100100459) (date accessed: 03/15/2018).
 8. Swiss Criminal Code of 21.12.1937 (revised from 01.04.2002) [Electronic resource]. - URL: [http://www.law.edu.ru/norm/ norm.asp? NormID = 1241950](http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?NormID=1241950) (date of access: 15.03.2018).
 9. Criminal executive law / Bougera N.N., Strilets O.V., Kanubrikov V.A. et al. Tambov, 2015.